

К(498)
X-98
202.12-к

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

ВЕЧЕРНЯЯ
ТЕНЬ

Национальная библиотека ЧР

k-020212

КОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
ОВ ВОЗВРАТА

ДОЛЖНА БЫТЬ
ЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во, пред. выдан

20212 - K

Педер Хузангай

**ВЕЧЕРНЯЯ
ТЕНЬ**

кп
к ССЧУВ,
X-98

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

ВЕЧЕРНЯЯ ТЕНЬ

СТИХОТВОРЕНИЯ

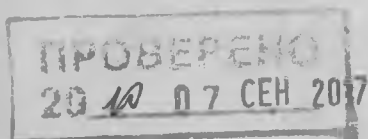
Перевод с чувашского *Владимира АЛЕЙНИКОВА*

Москва
«Современник»

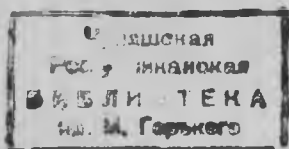
1987

84Чув7
Х98

Художник *М. ЛИСОГОРСКИЙ*

202 12 - К

X $\frac{4702070000-138}{M106(03)-87}$ 279-87

ПОЭТ БЕСПОКОЙНОГО СЕРДЦА

Народный поэт Чувашии Педер Хузангай (1907—1970) прежде всего был поэтом-лириком. Лириком прозрачным и кристальным. Об этом писали многие. Суть лиризма хузангаевской поэзии, пожалуй, явственно проявляется и в том, что он как никто другой в чувашской поэзии воплотил свою личность в стихах. Читая их, можно восстановить основные события биографии поэта и воссоздать те жизненные связи, которые их соединяли.

Отца всегда отличала особая «тяга в дорогу», желание увидеть мир и страну своими глазами. Помнится, он постоянно откуда-то возвращался или вновь собирался в путь. Маршруты его поэтических путешествий были дальними и проходили через многие республики и районы нашей страны, зарубежные страны. Общение с людьми, высокая дружба с поэтами — представителями разных культур сопровождали поэта в жизни и побуждали его знакомить, в свою очередь, чувашских читателей с образцами поэзии других народов. Перефразируя Гёте, можно сказать: чтобы знать страну, надо знать ее истинных поэтов. Это стремление и было стимулом большой переводческой деятельности Хузангая.

Самым первым по времени путешествием поэта стала поездка в Среднюю Азию и на Кавказ в 1926—1927 годах. П. Хузангай в городах Бухаре и Самарканде был разнорабочим, статистиком и, живя сравнительно долгое время в Ашхабаде, принимал участие в переписи местного населения.

Что же было за плечами тогда еще совсем молодого, 19-летнего, юноши? Восемилетняя сельская школа, чувашские песни, которые напевала мать, чтение первых шедевров родной поэзии по книге «Сказки и предания чуваш» (1908), изданной просветителем, создателем чувашской письменности И. Я. Яковлевым (1848—1930), некоторое знание русской поэтической классики... Далее город Чебоксары, ставший столицей Чувашской автономной республики, первые шаги на литературном поприще и пронзительное ощущение новизны происходящего вокруг и в нем самом, что требовало немедленного выхода в стихию стиха:

Звенит кэсле серебряной струной,
Звучит сарнай,—

и солнце надо мной

Встает, земли просторы согревая...

О Родина! Меня благослови:

Так молод я, так сердце ждет любви —

Его в кэсле сегодня превращаю.

Перевод Вл. Алейникова

Выйдя за деревенскую околицу, молодой Хузангай сразу почуял зов дальних дорог — словно ветром распахнуло душу.

В ранних лирических циклах «Черная чадра», «Южные мотивы» и «Любимая» явственно ощущим ветер странствий, ветер — сейчас уже далекого — времени, когда происходило становление личности поэта. Но не только в этом значение ранних стихотворений.

...Чувашская песня, а также дореволюционная поэзия, во многом исходившая из поэтики песни, всегда отличались чрезвычайной сдержанностью и в известной степени «закрытостью» во всем, что касалось сферы интимных чувств и переживаний. В этом была особая, целомудренная чистота. Кроме того, чувашская песня никогда не была

«экзотичной» в смысле показа реалий чувашской жизни. Она была скромна, как чувашская девушка в своем платье, изысканно отделанном (без использования ярко-кричащего цвета) вышивкой ~~тара~~, в полном убранстве украшений из ~~цельно~~ струящегося серебра. Все, что волновало и томило девушку и юношу в пору их цветенья, согласно ~~неписаному~~ этическому канону, не могло получить открытого выражения, о своих чувствах можно было дать знать лишь путем косвенных намеков. И в своем обиходном речевом этикете чуваш, как правило, скрытен. Такова же устная народная словесность, само понятие ~~личностного~~, ~~волевого~~ начала вошло в чувашскую поэзию только с творчеством Сеспеля Мишши (1899—1922), революционера, поэта, реформатора чувашского стиха, открывшего новый этап в развитии чувашской поэзии. Сеспель впервые выразил трудные, а порой трагические противоречия внутреннего мира человека.

Вот эта традиция личностного (когда стихотворение не только описывает состояние внешнего мира, но и является прежде всего слепком с собственной души!) стала определяющим моментом в лирике ~~отца~~, а также некоторых других поэтов его поколения. Причем личностное ни в коей мере не отменяло народного начала, в зрелом творчестве поэта они естественно дополняют друг друга. X

~~Отец~~ всегда проявлял глубокий интерес к личности Сеспеля.

Являясь продолжателем Сеспеля в отечественной поэзии, ~~Хузангай~~ в значительной степени расширил действие сеспелевских принципов, исходя из личного опыта и ~~мироощущения~~.

В чем же проявляются особенности хузан-

гаевского лиризма, берущего начало из сеспелевского поэтического родника?

В ранних циклах поэт говорит от имени любви и языком любви. Чуть ли не впервые в чувашской поэзии здесь в полной мере разрабатываются все нюансы и возможности жанра интимной лирики. Стихотворение словно уподобляется странице, вырванной из дневника, записной книжки. Личность автора максимально приближается к читателю. Поэзия трактуется как разговор с близким другом, как объяснение в любви...

Второй этап в творчестве П. Хузангая тесно связан с годами Великой Отечественной войны. Трагизм тех лет способствовал тому, что голос поэта закалился и зазвучал тверже.

Отец начал войну в апреле 1942 года рядовым солдатом Донского фронта, который затем соединился со Сталинградским. Был политработником, литературным сотрудником ряда дивизионных газет. Военная лирика, а также роман в стихах «Род Аптрамана», начатый еще в предвоенные годы (основные его герои проходят через горнило войны), занимают важное место в его творчестве.

Поэт видит выжженные поля Украины, участвует в освобождении Польши от фашистского ига (Брянский, 2-й Белорусский и 1-й Украинский фронты). В 1944 году он был тяжело ранен.

«...Вспоминая свой жизненный путь, невозможно обойти годы войны. Я думаю, каждый мой современник нет-нет да и оглядывается на эти испепелявшие душу годы, независимо от того, заполняет ли он сухую анкету или поверяет свои сокровенные мысли близкому человеку...» — так напишет позднее отец об этом времени.

И уже никогда не оставит его тема войны как всенародного горя, которое, словно незаживаю-

щая рана, поет и дает о себе знать в самой глубине сердца. Педер Хузангай отныне будет ощущать себя солдатом мира, обязанным сражаться «и за Гёте, и за Данте, и за кровь детей». А чувство побратимства, обретенное в самое трудное время на фронтовых дорогах, будет одним из самых светлых и дорогих для поэта.

Еще большее расширение горизонтов лирики П. Хузангай происходит в послевоенные годы. Такие циклы, как «Я живу в России», «Сиктерме», «Земля любимая, Чувашия моя!», «С вершины лет», стали как бы конкретным поэтическим воплощением тезиса, высказанного им в 1962 году: «Я был убежден, что всякий большой поэт не может не быть народным трибуном и одновременно интимнейшим собеседником и даже советчиком в «науке страсти нежной», если угодно».

Конец 50 — начало 60-х годов стали для поэта временем новых поездок по стране и за ее пределы. Новые страны, люди и впечатления легли в основу циклов «Румынский май», «Дальний полет», «Вздыбленные волны», кавказских и болгарских стихов.

Болгарская тема в творчестве отца занимала особое место. Ведь корни родословных чувашей и современных славяноязычных болгар переплетаются в историческом прошлом... Прекрасно зная путь своего народа, всегда стремившийся поэтической интуицией постичь его историю, полную загадок, поэт обращается к болгарской теме уже в ранней лирике.

П. Хузангай породнился с Болгарией душой и сердцем. В интервью корреспонденту газеты «Вечерни новини» в 1968 году он говорил: «Я уже четвертый раз в Болгарии и всегда, когда нахожусь далеко от нее, испытываю ностальгию по всему

увиденному и услышанному здесь. Очень часто в мыслях я вновь и вновь возвращаюсь к Болгарии, живу воспоминаниями о ней, о встречах, живу болгарскими стихами и стихами о Болгарии... Не знаю почему, но я чувствую себя должником Болгарии...»

При непосредственном участии и по личной инициативе Хузангая с конца 50-х годов ширились и углублялись болгаро-чувашиские литературные связи. Отец часто повторял: «Я перевожу из болгарской поэзии то, что нельзя пропустить мимо сердца... и я не могу быть спокоен, пока не переведу эту вещь... Я давно и пристально слежу за болгарской поэзией. Она очень разнообразна, темпераментна и подчас острополична». Сам он перевел на чувашский язык всё поэтическое наследство Христо Ботева и его «Символ веры болгарской коммуны», отдельные стихотворения Ивана Вазова, Пейо Яворова, Николая Вапцарова, Елисаветы Багряны, Ламара (Лалю Маринова), Христо Радевски, Младена Исаева, Ангела Тодорова, Благы Димитровой, Лианы Даскаловой и других.

Мне довелось сопровождать отца в его последней поездке на традиционный осенний симпозиум-встречу в сентябре 1969 года. Он приехал туда, по чувашскому обычаю, с подарком-кученосем — 50 переведенными и опубликованными стихотворениями разных болгарских поэтов. В ту осень он уже был тяжело болен. Но участие в симпозиуме, выступления, обсуждение переводов и чтение стихов; общение с друзьями и коллегами-переводчиками с болгарского: украинцем Платоном Воронько, белорусом Дмитро Билоусом, сербом Ива Балентовичем, словенкой Катей Шпур: атмосфера праздника болгарской поэзии словно окрыляли отца, и он забывал о физической боли.

Был, как всегда, оживлен, даже весел, заряжался энергией в разговоре и сам излучал ее на собеседников. Недаром в свое время болгарская критика так писала о его стихах: «...Необыкновенно молод и энергичен для своих лет Хузангай. Таков же он в своей поэзии — в ней есть праболгарская мощь и нежная чувашская интимность» (Филип Панайотов «Волга — сестра на Дунава», «Народна младеж»). Гостеприимство болгар вызывало теплую ответную волну благодарности. Рождались строки, посвященные Болгарии:

«О жители милой Софии,
Вы спите.

Всем сердцем я — ваш!»

Пусть струи кипят водяные,
Омывшие желтый паваж.
Иду, различая живые
Слова издалёка.

«Ты — наш.

В родстве мы с тобой, чуваш!»

Перевод Вл. Алейникова

Это одно из стихотворений, написанных тогда же — осенью 1969 года. В это время поэт начинает работать над циклом «Болгарские имена», где дается своеобразная поэтическая этимология старинных прабулгарских имен («Аспарух», «Омуртаг») на основе их сопоставления с чувашскими словами и языческими именами, пишет стихотворение «Урвич» и другие.

...Уже после возвращения в Чувашию, когда первые белые метели начали кружить над землей, пахнуло холодом зимы, а болезнь все сильнее и сильнее давала о себе знать, поэт вспоминает целебный свет болгарского солнца, ласковый плеск морских волн. Южанина по темпераменту и исторической родословной, его всегда тянуло на юг. И именно Болгария в последние годы его жизни стала для чувашского поэта по-особому, по-родст-

венному близким краем, черты которого он воссоздал в своих стихах.

«...Для себя болгарскую тему считаю по-жизненной. Когда есть возможность поехать в Болгарию — все в сторону. Как всегда, очарован Болгарией, ее природой, высоким духовным миром и сердечностью» — строки из интервью, опубликованного в газете «Отечествен фронт».

...Говорят, что поэт остается жить в своих стихах. Это ощущение не покидает меня, когда я погружаюсь в стихию его лирики, которая, хочется верить, имеет и будет иметь своего благодарного читателя.

Атнер Хузангай

ИЗ РАННИХ
СТИХОВ

РОДИНА, БЛАГОСЛОВИ!

Когда родился — звали молодцом,
А вырос я — считали удалцом,
Хотя не знал, что суждено судьбою.
Покуда не окрепла стать моя,
Не ощущал я связи бытия
С душой народа и с самим собою.

Исполнилось семнадцать мне — и вдруг
Я вздрогнул, прозревая:

он — вокруг,

Он пробужден и ныне оживает,
Народ родной. —

он понял, что спасен!

Страхнув, как сон, бывшее горе, он
Страны свободной имя принимает.

Звонит кэслé¹ серебряной струной.
Звучит сарна́й², —

и солнце надо мной

Встает, земли просторы согревая...

О Родина! Меня благослови:

¹ Кэсле (*чув.*) — струнный музыкальный народный инструмент наподобие гуслей.

² Сарнай (*чув.*) — духовой народный музыкальный инструмент, род зурны.

Глаза мои, учитесь видеть.

Вас,

Открывших мир мне, должен я беречь.

Я тороплюсь в поля —

ведь каждый час

Подарит столько драгоценных встреч!

Смотрите:

морем золотая рожь

Колышется привольно поутру,

И василек, на звездочку похож,

Тяжелый колос обнял на ветру.

А на лугах трава — свежее нет —

Чистейшей оmyвается росой,

Восторженно глядит на белый свет

И ежится пугливо под косой.

Да разве нагладишься? Благодать!

Задумчива прозрачная река —

И там, где ртутью отливает гладь,

Как в зеркале, клубятся облака.

Пичужий щебет слышится кругом.

Прислушаюсь —

во всем есть смысл и связь.

Вот ласточка, свой прочный строя дом,

Восторженною песней залилась.

Коль этой песни искренней краса

Живую речь способна пронизать,—

То, неизменно веря в чудеса,

Без усталы я буду распевать.

1922

Наверное, таков уж мой удел:
Меня поэтом люди называют.
Я рос меж них,
 для них и петь хотел,—
И ликованья сердце не скрывает.

Ты, ветер, не рыдай и не томи,
Ты, речь моя, будь чистой и простою.
И в радости, и в грусти —
 я с людьми,
Я связан с ними кровью и судьбою.

Звезда ли упадает с высоты —
Ее, горя, взглядом провожаю.
В ненастье ли повалятся цветы —
О нежности загубленной вздыхаю.

А к вечеру, едва шагнешь во двор,
Над головою — гуси вереницей...
И тесно в доме, тянет на простор —
И смотришь в небо раненою птицей.

Знать, есть благословенные места,
Где ждут меня земли моей щедроты,—
И рвется к ним горячая мечта,
И тайн не счесть — лишь выйди за ворота.

По вечерам учусь я у луны
Ее невозмутимости.

Признаюсь:

Когда стихи в мои приходят сны,
Я всякий раз их записать стараюсь.

Заря ли слышит песню соловья
Иль солнце утром в избу проникает —
В черты природы

вглядываюсь я,

И мир чудес всегда меня встречает...

1925

Захандрив, не хотел я стихи сочинять,
Да сегодня не выдержал.

Время какое!—

Наконец-то весна зеленеет опять...
Как не петь, если сердце ликует людское!

Как сейчас не откликнуться юной стране,
Как не молвить взволнованно слово привета?
Хорошеет она.

Это, право, по мне,
Пусть же крепнет с годами и голос поэта.

Проникают лучи прямо в буйную кровь,
Ветер душу мою на лету освежает.
В сердце — столько напевов!

И есть в нем любовь,
О которой никто еще в мире не знает...

1926

Озера гладь подо мной, как стекло.
Сердцем вбираю вечернюю тишь.
В темной воде замирает весло,
Шепчет о чем-то дремотный камыш.

Старая ива поодаль стоит.
Чудом забредший сюда ветерок
Волосы мне на лету шевелит
И покачнуть успевает челнок.

Берег — как блюдо из глины сырой.
Душу мою омывает вода.
Этому миру вечерней порой
Зло и обиды прощаешь всегда.

1926

Еще в округе — талая вода,
Игольчат ветер, темен лик земли,
И слышен хруст подтаявшего льда.
Ах, если б это вы понять смогли!

А летом, в час, как вечер настает,
Метелка перезревшего овса
Свирелью тонкой на ветру поет.
Послушайте — хотя бы полчасца.

Осеним утром дымкой пруд объят —
И гуси, собираясь улетать,
Особенно пронзительно кричат...
Мне хочется вам это передать.

Зимую — иней у коня на лбу
Иль бег его
 напомнят мне не раз
Мою неугомонную судьбу...
Но как все это выразить сейчас?

1926

祭 祭 祭

Смотри, как быстро липа облетела!
Что ж, очередь — за дубом. То и дело
Резные листья падают, кружась.
А там — черед березы... Реет пламя
Листвы осенней... К этому с годами
Привыкли мы. Всему, видать, свой час.

Бредем ли мы извилистой тропюю,
Шуршим ли облетевшею листвою,—
Куда ведет мерцающая мгла?
Таинственна молчальница-погода.
Успела ли земля в течение года
Все сделать, что обязана была?

Все выполнено к сроку, как и прежде.
Вот-вот в своей серебряной одежде
Она предстанет взорам,— так и знай.
О, щедрость мира! Ты благословенна.
Лишь к лучшему предвижу перемены,
Лишь об одном прошу: не убывай!

1926

Черный вечер да белый снег.
Вьюги блоковской наважденье...
Заплутает в ней человек,
В колдовском пропадет круженье.

Ветер, ветер...

Нет сил сдержать!

По щелям колобродит, воя,
Налетает — и сразу вспять,
В сумасбродстве химеры строя.
Беспокоит, бросает в дрожь,
Как в преддверии увертюры.
Так — стихи назревают: ждешь,
Только брови сдвигаешь хмуро;
Проверяешь согласие струн,
В лабиринтах застыв молчанья,
Входишь сердцем в немой канун
Неизведанного звучанья;
Ищешь слово, разворошив
Некий хаос, — мятежен, дик.
И — пришло!..

О, доселе жив

Непокорных стихий язык!

Тверже шаг! Налегай сильнее!
Слушай музыку — путь непрост.

Вдохновение — только в ней,
Лишь она вознесет до звезд.
Только в ней твой талант прочней
Укрепится и выйдет в рост.

Черный вечер да белый снег.
То ли блоковской, то ль моей
Вздох зимы...

Надежды ковчег
Не погиб среди мирских зыбей.
Черный вечер да белый снег,
Белый снег — до весенних дней.

1927

МЕТЕЛЬ

Заметает... Невозможно
Разлепить замерзших век.
Так безбрежны, так тревожны
Ветер, поле, тучи, снег.

Как стерпеть мне долю эту —
Странствий блажь, бездомиц бред,
Колесить по белу свету,
Где придется, столько лет?

Захудалого сельца бы,
За метелью — огонька,
Залежалого сенца бы
Для усталого конька!

Не подскажешь ли, возница,
Где бы время скоротать,
Чтоб напрасно не томиться,
На округу не роптать?

Самовар бы в жаркой дрожи,
Да картошки, да к огню!
Ну-ка дай, возница, вожжи —
Сам немного погоню.

Так метет, что невозможно
Разлепить замерзших век.

Так безбрежны, так тревожны
Ветер, поле, тучи, снег!..

Что за вести ветер прячет
В проводах? Того и жди —
Может, счастье замаячит
На дороге впереди?

Непутевую, шальную
Где я голову склоню?
И к добру я не ревную,
И беду я не виню.

Иль на нож нарвусь разбойный
В чужедальной стороне?
Иль с любовью беспокойной
Суждено спознаться мне?

Иль с годами дар врожденный
Станет мукою сплошной —
И затихну, побежденный
Немотой и сединой?

Иль, не выдержав гонений
Нашей критики лихой,
Убегу от вдохновений
И покончу я с собой?..

Заметает. Невозможно
Разомкнуть замерзших век.
Все — мятежно, все — тревожно:
Ветер, поле, тучи, снег.

1928. Сиктерме¹

¹ Сиктерме — родное село поэта.

Одну страну из многих я любил
На свете, что в скитаньях познается.
Где б ни бывал, повсюду я твердил:
Лишь для нее
 вот это сердце бьется.

Привыкший берег милый покидать,
В чужих пределах тосковал я снова...
Нет, не случайно
 стал я понимать:
Мне не прожить
 без Адала¹ родного.

Его холмистый, глинистый уют,
Его леса в великолепье роста
Всегда в обличье новом предстают
И надоест душе не могут просто.

Его струенья, право, не унять,
В нем — столько откровений ежегодно...
На что все это можно променять
Мне, по миру бредущему свободно?..

1927—1931

¹ Адал (чув.) — Волга.

Г. Т. АЛЕНДЕЮ¹

Проходит жизнь.

Дни юности моей,
Подобно половодью, миновали.
То праздник был.

Я стал теперь трезвей,
Мне ясно, что верну его едва ли.

Эй, Алэндэй! Как юность хороша,
И сколь ее чудесны впечатленья!
Тобою вдохновленная душа
Поет,—

дай мне свое благословенье.

Я помню: много было нас тогда,
Юнцов беспечных, данников азарта,—
Тех, кто, ночуя где-то, никогда
Не знали, где они проснутся завтра.

А время шло.

Романтику забыв,
Я нынче затвердел, как лед зимою,
Хотя родник по-прежнему бурлив —
Кастальский ключ с целебною водою.

¹ Алендей Г. Т.— известный чувашский поэт.

Да, он не замерзает искони,
Тот песенный родник,—

и с ним мы живы.

Песнь дедов обновится в наши дни,
Меня продолжит внук,— все справедливо.

И понял я, что на земле моей
Материя живая неизменна.
А я, наивным будучи, на ней
Какие-то предвидел перемены...

Нет вечного: рождение, жизнь и — смерть.
На всех людей одна у нас обитель.
Но жив Гомер. Хайяму ли не петь?
Живут да Винчи, Рафаэль, Пракситель.

О, если б так мне было жить дано!
Все в юности мы — Гамлеты немного.
Брыкайся жеребенком: все равно
В извечные оглобли — и в дорогу.

Оглобли эти — повседневность, друг!
Без дела не сидит крестьянка Муза,
О вечности ей грезить недосуг,
Нездешний облик для нее — обуза.

Ведь в жилах у нее текут не зря
Земли родимой соки. Что за диво!
Поверь: она прекрасна, как заря,
И, как страна моя, трудолюбива.

Идиллии здесь нет.

Но отчий дом

Дворцом труда мне кажется норую.
И словно пчелы в улье за окном —
Мои мечты.

Их от тебя не скрою.

Лежит на старых полках гряда книг,
На стенах — это целый мир — портреты.
Со мною нынче могут каждый миг
Беседовать любимые поэты.

Собратья по перу меж ними есть,
Они теперь — цепи единой звенья...
Тебя принять я, друг, почту за честь —
Так навести меня в уединенье!

Осенней ночью предо мной встает
Былое время с удалью особой.
И дружба — словно молодость:
И вновь обратно.

войдет —

Догони попробуй!..

Я жду — проведай.
Для моих друзей
Мой дом распахнут.
О единовѣрцы,
Вы все сегодня — в памяти моей,
Вы дороги душе моей и сердцу.

1931. Сиктерме

Прячься, грусть, поглубже, не мешай.
Пусть вернется радость в милый дом.
Покидал я часто

отчий край,
Как он дорог —
 понял лишь потом.

Волны Черноморья — шатуны
Молодость напомнили мне вдруг.
Я бродил просторами страны:
То Восток,
 а то — далекий Юг.

Силы было — некуда девать.
Вот он, мир!..
 Как Гамлет, был я горд.

Все мечта..
 А жизнь успел узнать —
Палуба, вокзал, теплушка, порт...

Прячься, грусть!
 Не дай мне боже здесь
Въявь увидеть
 путь недавний свой!—

Разрыдаюсь, истомившись весь,
Даже с умудренной головой.

1931

ГЛАЗА

В машине ли едешь, идешь ли пешком,
Толпою ли стиснут в звенящем трамвае —
Овеян ты

взглядов сквозным ветерком,
Навстречу им душу свою открывая.

В одних —

бессловесная стонет печаль:

«Не встретимся больше. Ах, время былое!»
Другие:

«Забудете здесь же — а жаль,
Но вы не пойдете ведь следом за мною».

У третьих — свое:

«Между прочим, дела,

Случайные вроде, удачны бывают.

Увидимся, раз я вам вправду мила?

Ну что ж, как хотите. Вам счастья желаю».

Четвертые —

сразу такое сулят,

Что бросил бы все ради этой улады.

Вот сходит одна.

Ты подался назад —

И смотришь безумно.

Нет, лучше не надо...

А в пятых —

капризный оттенок листвы:

«Глаза — чтобы видеть. Пусть часто играю,
Но, может, мне нравится именно вы.
Так создана я, что сама выбираю...»

Сплошные загадки.

О музыка глаз!

Ты в сердце вошла, ты услышана всеми.

То черный агат, то туманный топаз,

То синь бирюзы...

Что им возраст и время!..

1932

Да, верю я в свою звезду.
Она, сияя над землею,
От сердца отведет беду,
Спасет ненастною порою.

В мир этот вглядываюсь я,
Глаза сощутив, не случайно.
Всегда открыта песнь моя,
И есть в ней музыка и тайна.

Я связывать себя не дам
И отмечать свой лоб тамгою¹.
Лезть в душу не позволю вам,
Покуда речь моя — со мною!

1926. Тахта-Базар

¹ Тамга (чув.) — родовой знак.

ПУТИ-ДОРОГИ

Ухабы — ийэ¹ оголтелая пляска,
Овраги — язычества желтый оскал,
Вы — времени старого

страшная сказка,
Я вами детей никогда не пугал.

Метель или пыль?

Все равно — наважденье,
Дороги, где леший идет по пятам!..
Я в бедах искал не у вас утешенья,
И, песни слагая, не вторил я вам.

Лес, в зелени — летом и осенью — алый,
Совиная дрожь в твоих кронах видна.
Не я — твоя птица.

Ты чужд мне, пожалуй.
Не я пожелал тебе доброго сна.

Но облик вот этого сонного края,
Привычность природы, замшелый покой —
Все сразу нахлынуло,

с маху вонзая
В гортань мою лезвие боли глухой.

О, сколько жестокости, лжи и гордыни
Вместить умудрился дряхлеющий быт!..

¹ Ийэ (*чув.*) — злые духи.

Народ-страстотерпец,

неужто и ныне

Скажу я: «Во сне отдохнешь от обид»?

Подушки подобием стать не хочу я,

Перины не жди от меня пуховой.

Целебной крапивой

тебя обожгу я —

Согнул до земли тебя труд вековой.

Да, я обожгу — но смятенья не скрою,

В болящую душу тревога войдет.

Хитрить никогда я не стану с тобою,

Заигрывать — тоже.

Я — сын твой, народ.

Не я — твоя слава, надежда и греза,

Но рядом с тобой

суждено мне сейчас

Сжигать устаревшее грудой навоза,

Вскрывая ошибки, губившие нас.

Не я — твой петух,

но проснулся ты рано.

И солнцу, и чистому небу ты рад.

Довольно плестись,

точно в гуще тумана,

С дымящейся трубкой столетья подряд.

Когда прояснилось вокруг —

зареглазый,

И я пробудился с тобой наконец.

Грядущее будет

не пышною фразой —

Распахнута дверь из избы во дворец.

1934

ИЗ ЦИКЛА
«ЛЮБИМАЯ»

Колечко звонкое с жемчужиною скатной
Напоминает имя мне одно.

Ах, милая,

тебе тысячекратно

Вот это сердце зажигать дано!

Сад яблоневый, кроны возвышая,

В тиши и дреме до поры цветет.

Ответствуй мне,

Медведица Большая:

Что за судьба меня в грядущем ждет?

1923

Дуга из вяза, колокольчик медный.
Раскаты эха в роще заповедной.

Под вечер славно,
 должен я признаться,
Вдвоем с подругой милою кататься!
Пушистый снег мерцает и кружится,
В лесу крахмальной скатертью ложится.
Но мед с вином никто не наливает,
И милая хушпу¹ не надевает.

Несись, мой конь, —
 ты ветер догоняешь!
О чем ты, моя милая, вздыхаешь?

Покуда буду рядом я с тобою,
Глаза свои не увлажню слезою.

Ель, белой шалью ты не укрывайся,
Смутить меня напрасно не старайся.

Прошу, не рань своим зовущим взглядом
Ты сердце девушки, сидящей рядом.

1923

¹ Хушпу (*чув.*) — женский головной убор.

Я коня гнедого оседлал —
И, простясь с родимой стороною,
Девушку любимую позвал
В дальний путь
отправиться со мною.

Опустила голову она,
На глазах заметно погрузнела,
А потом, растерянна, бледна,
Мне в глаза,
заплакав, посмотрела.

«Не затем я, видно, рождена,
Чтоб с тобой
но свету мне скитаться!»
В душу — боли хлынула волна,
Грудь была готова разорваться.

Сразу повод дернула рука.
Оставайся, коль того хотела!
Конь помчался.
По ветру, легка,
Грива его черная летела.

Ласточка упрямо рвется ввысь —
Два крыла упругих смотрят вниз.
Будущее плещется в груди —
А судьба плетется позади.

Превратиться в голубя бы мне,
Ворковать бездумно в тишине,
Горя и страдания не знать,
Горьких слез в ночи не проливать.

Вижу, в небесах звезда одна
Вдруг погасла, —

не моя она.

На земле живет моя звезда —
Глаз ясней не видел никогда.

Если бы я ласточкою стал —
То встречать зарю бы прилетал,
К милой бы негаданно проник,
В сон ее вошел хотя б на миг.

Милую бы я не разбудил —
В сердце пылком боль бы ощутил,
Лишь «люблю» промолвил бы тепло,
Чтобы слово

в сердце к ней вошло.

1924

祭 祭 祭

В тени ветлы,
 над сонною рекой,
Я радовался жизни и любви.
Был белый свет
 на диво схож с тобой,
Играла сила в молодой крови.

От поймы
 терпкий запах влаги шел.
Ты гладила, смеясь, мои вихры.
Казалось мне,
 что счастье я обрел —
Так были руки теплые добры.

Журчала родниковая вода.
С вершины дуба,
 с ясной высоты,
Кукушка нам пророчила тогда,
Что вечно будем вместе —
 я и ты.

Ты песню начинала напевать —
И если приходилось в ней тебе
Судьбу хотя бы раз упоминать,
То воздавала ты хвалу судьбе.

Сегодня все вокруг белым-бело,
Вчерашняя исчезла пестрота.
И солнце удивленное взошло —
Природа так пронзительно чиста.

Вчера дорога мучила меня —
Мотало по ухабам вверх и вниз.
Сегодня трудно мне сдержать коня —
За ним бесшумно сани понеслись.

Пока по снегу в мягкой тишине
Полозья пробивали колею,
Вдруг ожила мелодия во мне,
Слова пришли.

Я понял, что — пою.

Далёко ль, близко ль ехать —
но, ей-ей,

До места доберемся как-нибудь.
Садись ко мне, красавица, смелей —
С тобой отрадней станет зимний путь!

Ах, что за утро нынче!

Лес в снегу.

В санях уютных — сена дух сухой.
Поеду сам — продрогнуть я могу,
Да и тебе ведь холодно одной.

Иди ко мне, подруга, поскорей,
Присаживайся рядом поплотней.
Поверь,

 дороги не было ровней —
Смотри,
 как мчится резвый конь по ней.

Вот-вот промчимся мимо! —

 Что с тобой?

Обиделась? —

 Лишь снег из-под копыт...
Похоже, конь, качая головой,
«Счастливо оставаться!» — говорит.

1925

Уж полночь.

Трудно мне глаза сомкнуть.
Как ни пытаюсь, не могу заснуть.

Вновь девушку я вижу пред собой —
Цветок мой золотистый луговой.

Я первую любовь принес ей в дар —
Наивных чувств
 невыразимый жар.

Вовек не позабуду я о том,
Как у реки сидели мы вдвоем,

Как ночь была осенняя тиха
И колыхалась тонкая ольха,

О том, как пела темная вода,
Плыла над смутным берегом звезда.

Кто эту грусть и нежность возвратит?..
Девичье сердце
 душу мне томит!

1925

Ветер, дышащий влагой ненастной,
С яблонь цвет
 не срывай понапрасну.

Не воруй у полян красоты —
Ведь, опомнясь,
 раскаешься ты.

Ах, любимая,—
 белое пламя
Разгорается, встав между нами.

Облетает не цвет —
 надо мной
Дум кружит нарастающий рой...

1926

На свете есть ты или нет —
Ужель не все равно?
Зову тебя так много лет,
Ищу тебя давно.

Едва в мечтанье побреду
Вдоль жизненной межи —
Тебя, волшебница, найду.
Откуда ты? Скажи!

Наряды сотканы твои
Из ясного огня,
Кружât во взорах звезд рои,
Мерцающая маня.

Порою мнится: это ты —
Стихии торжество,
Грозящей жаждешь красоты,
Царица, божество.

Знать, Дон-Жуан в свой смертный час
Твой образ вспоминал.
Тебя, тебя, чудесный сказ,
Певец Нарспи¹ искал...

¹ Певец Нарспи — К. Иванов, автор поэмы «Нарспи», родоначальник чувашской поэзии XX в.

И все же есть ты или нет —
Не все ли мне равно?
Ведь звать тебя сквозь бездну лет
Судьбою суждено.

1926

Ночь туманна.

Вновь я сам не свой.
Разум с чувством
спорят меж собой.

Покориться чувству я боюсь,
Сдержанным и строгим быть учусь.

Только разум — не январский лед,
И огонь в душе
он не уймет.

Коль не спится,
выйду — так и быть —
Вместе с ветром в поле побродить.

Долго ль с ним бродил наедине —
Вспомнилось былое время мне.

Что мне делать,
если в час ночной
Образ твой возник передо мной?

1927

Сядь-ка рядом, милая, со мной.
О заветном

помолчим вдвоем.

Долго ли под ясною луной

Нам гореть

томительным огнем?

Всяк любви на белом свете ждет,

Всяк готов бывшее вспоминать.

Только лишь умерший

не придет,

Чтоб кого-то сызнова обнять.

Так душиста темная волна

Ветром развеваемых волос!..

Видно, ты судьбою мне дана.

Что за счастье

в сердце ворвалось!

Плеч твоих озябших белизна,

Бирюза тревожащая глаз —

Рядом.

Вот душа и смущена.

Так тобою полон каждый час!..

Как ночь светла!

Опять не спится мне.

Лишь о тебе я думаю, родная, —

И сердце замирает в тишине,

С волшебной сказкой

явь соединяя.

Еще прекрасней стала ты сейчас.

Ты иль не ты?

Узнать тебя непросто...

Так спой!

Душа давно уж заждалась —

Мне нужен лад «Узорчатого моста»¹!

Ты спой мне.

Пусть вернутся в час ночной

И мельница, и улица пустая,

И плещущая зыбкою волной

Река, закатным светом залитая.

Ты пой.

Увижу мост я — и пойму:

Виденьем он поодаль остается.

¹ «Узорчатый мост» — название чувашской народной песни.

Кто знает! —

вдруг в грядущем по нему
Мне перейти уже не доведется?

Ничем гнетущей не избыть вины
Перед селом, покинутым жестоко...
Растаял снег.

Поля вокруг черны,
Безлюдны, —
но конечно же до срока.

Когда же схлынет паводок большой
И на холмах трава зазеленеет —
Во всем селе
один лишь дом родной
Избавиться от грусти не сумеет...

Не выразить мне, как ты хороша.
Воспоминанья сердце мне сжимают.
Разбуженная песнею душа
Мир в слитности его воспринимает.

1927

Покровитель лирики земной,
Вышел в небо месяц молодой,
О тебе вздыхая.

Ты — со мной,
Хорошо тебе в тиши ночной.

Улыбнись! Тебя мне — не забыть.
Веселись, будь радостной сейчас.
Я не дам сомненью огорчить
Клятву голубую милых глаз.

Емкий образ
в слове есть у нас,
Оттого у клятвы цвет такой.
Жизнь — одна,
умру — один лишь раз.
Я спешу писать, забыв покой.

А стихи меня переживут —
В них я душу выразил полней.
Верю я:
поэзия — мой труд —
Станет людям в будущем нужней.

Улыбнись с открытою душой,
Помолчи — я знаю, что любим...
Покровитель лирики земной —
Месяц —
 слился с обликом твоим.

1927

祭 祭 祭

Родному краю —

до земли поклон

За то, что отовсюду кличет он.

Давно мечтал я

снова здесь брести,

Мост деревянный встретить на пути.

Покосы потянулись за мостом —

Побегать бы, как в детстве, босиком.

Росой, отяжелившею пырей,

Мне окропить бы душу поскорей.

Ветла склонила ветви над ручьем —

В густую тень упасть бы мне ничком.

«Знай, родники целебны в Сиктерме!» —

Односельчане говорили мне...

Вот за буланым пегий конь идет —

Их девушка на водопой ведет.

Узнала ли меня —

пусть и не ждет —

Иль притворилась,

что не узнаёт?

Вот пегий конь заржал —
и в тот же миг
Жар удали
мне прямо в грудь проник.

С красавицей бы на коня сейчас —
И на скаку поцеловать хоть раз!

1927

Я такую, как ты, никогда не встречал,
Но смятенья

душа в этот раз не таила:
Просияла, когда я тебя увидал,
Ликованьем полна,—

а потом загрустила.

Тень таинственной думы твоей мне видна,
Эта дума всецело тобою владеет.

Так весною

листва на ветвях зелена,

Но в осенние дни

и она почернеет.

Может, вечного нет — но природа всегда
Будет домом для всех

и приютом желанным.

Ты — цветок луговой, ты чиста, молода,

Что же прячешься ты

за покровом туманным?

В неприкаянном сердце берег я черты
Тех немногих красавиц, что знал я когда-то.
Что теперь мне до них!

Не сбылись ли мечты?

Отзовись!

Ну какую ты грустью объята?..

1928

Никто не махал мне рукою вослед.
Чужим показался мне берег родной.
По Волге плыву я.

Со мной тебя нет —
Лишь образ любимый сегодня со мной.

Пейзажи, знакомые мне наизусть,
Все так же привычной милы красотой.
И в сердце я чувствую

странную грусть:
Наверное, мы неразлучны с тобой.

Твой голос высокий

мне грудь разрывал:
«Скажи, ты меня не покинешь одну?»
Слова эти я поцелуем прервал —
Он клятвой поспешной пронзил тишину.

Как жаждал я светлое счастье найти,
Как был я раскаяньем часто томим!..
За прежние годы, родная, прости
Во имя грядущего.

Что же — за ним?

Лишь ты в моем сердце.

Но если и ты,

Подобно мгновенью земному, мелькнешь,
То, значит,—
 ушли и любовь, и мечты,
Я прожил свое,—
 ничего не вернешь...

Не может быть этого!
 Ты ведь — моя,
Ты — самая нежная в сердце струна.
Ведь чувствуешь все ты,
 что чувствую я,
Одна у нас жизнь и надежда одна.

1928

Безлистый лес уныл.

Бугристые поля

Раскинулись вокруг.

Река ледком сверкает.

Ветрами в ноябре

исхлестана земля.

И холод острием

мне в сердце проникает.

Я мерзну оттого,

что нет тебя со мной:

Упрямо рвусь к тебе

полуденной порою,

Зову тебя к себе

в ненастный час ночной,

Безмерно одинок,

оставленный тобою.

И в памяти — лишь ты...

Услышанный душой

Сквозь ветер за окном,

твой голос превращаю

В сулящую мне свет

дорогу пред собой —

И песнь мою одной тобою

оживляю.

1928

Дождь нарастал как видно, неспроста,
И осень золотая помрачнела...
О, чьи же ненасытные уста
Тебя, родная, выпили умело?

На чьи колени жемчугом речным
Ты сыпала горстями свет сердечный?
Скажи, была ль ты счастлива с другим?
Уж он-то счастлив был с тобой, конечно!..

В деревне или в шуме городском,
В июльский зной иль вьюжною зимою,
К тебе одной безудержно влеком,
Еще я встречусь, милая, с тобою.

Мечтания тобою оживлю:
Дыханья жар... Очей закрытых дрему...
Все вспомню, что давно в тебе люблю,—
Ведь сердце и не может по-другому.

Я вспомню все — не счесть уже потерь,
Я все скажу — и с болью позабуду.
Иной отвагой полон я, поверь,
Иные дни грядут, иное чудо.

Кто знает? Песнь, что выстрадана мной,
Быть может, не состарится вовеки.

Но кровь не хлынет грозною волной,
Блаженный трепет стихнет в человеке.

Когда-нибудь и ты, угомонясь,
Как ветер перед ливнем затихает,
Поймешь свою таинственную связь
С напевом, что сквозь осень прорастает.

1928

В час одиночества,
 в чужом краю, в тоске,
Когда от дум поникнешь головою,
Ты вспомни:

 есть в далеком далеке
Душа, соединенная с тобою.

Есть сердце в мире этом — и ему
В груди порой
 так трудно уместиться.

Оно горит, подобно твоему,—
Легко ль ему
 вдали от друга биться?

1928

Ночь такую дано
 только раз пережить на земле,
Эта ночь — для сердец
 и останется в них, безусловно:
Соловьи над рекою,
 в бездонной невидимы мгле,
Заполняют окрестность
 раскатами песен любовных.

Не за славу и честь —
 от великой любви своей,
Вдохновенны, нежны,
 над уютными гнездами милых
Не смолкают певцы
 меж усыпанных цветом ветвей,
И у яблонь хмельных
 бродят соки янтарные в жилах.

О подруга моя,
 ну когда же я встречусь с тобой?
Соловьиша моя,
 где гнездо твое, домик твой скромный?
Как завидую его,
 буду петь я порою ночной —
Смерти нет для любви
 и для песни моей неумной.

1928

Когда-нибудь в старости,
грустной порою,
Почувствую: память подводит, —
но вот
Чувашская девушка,
встав предо мною,
«Узорчатый мост»,
словно встарь, запоеет.

И я затоскую,
и ринусь куда-то —
На зов потаенный,
на берег речной,
Где юность
беспечна была и крылата,
Где радость
была неразлучна со мной.

Но как возвращу я
былые свиданья,
Пленительный образ,
невольный порыв?
И что же скажу наконец
в оправданье,
Коль празднеством давним
доселе я жив?

Ах, были бы строже,
ах, знали бы цену
Словам, что тогда
говорили всерьез!..
Все это — ушло.
А любовь — незабвенна,
Я счастлив,
что встретить ее довелось.

Звенит ее голос,
как вешние воды,
Блаженством
простора земного дыша.
Лишь с нею прекрасны
минувшие годы,
И солнечным светом
согрета душа.

Откуда у песни
и тайна, и сила?
Я верю,
что смысл ее древний непрост.
Все вспомню,
что прежде влекло и томило,
Услышав случайно
«Узорчатый мост».

Смотри, как он прочен:
пройдешь — не качнется,
Но сердце —
опора под этим мостом,
Такое, как в песне, —
занает, сожмется...
Болят —
и покоя не сыщешь потом!

Видений давних череда,
Из мглы сознания возникая,
Мне сердце ранит, как всегда,
В напев размеренно вступаая.

Гляди на облако в окне,
Судачь с капелью по-соседски
И плачь беззвучно в тишине,
Молясь о будущем по-детски.

Шагни на мокрый тротуар,
Дружи с весной неугомонной,
Прими земли бесценный дар —
И возвращайся в угол темный!

1931

Дыхание Родины, духа стремленья
В груди моей живы — им годы не в счет.
Но нет для тебя в этом мире сравненья,
И сердце согласия с другой не найдет.

О времени славном поющий сурово,
Всегда возрождался я в буйном огне.
Но лишь о тебе я не молвил и слова —
Заветной звездой ты сияла во мне.

Бродяга беспечный, актер прирожденный,
Без масок и грима я жизнь познавал.
Я многое ведал: и холод бессонный,
И ливни, и ветер, что бил наповал.

Я спал на обочинах, злой и усталый,
Скитался упрямо в чужой стороне.
Чем был я для мира? Пылинкою малой.
Но ты убеждала: судьба — в новизне.

Я так бесшабашно испытывал долю —
На лодке, сквозь бурю, к ночным огонькам...
Изведал я грусть и безмерную волю,
Внимая очам твоим — тайным цветкам.

1935

В неделю последнюю марта шального
Заковывал ночи ледок голубой...
Пусть жизнь моей песни
и каждое слово
Отныне согреются только тобой.

На Волгу приехала ты издалёка,
Мгновенное счастье оставила мне.
И снова — разлука.
Мне так одиноко.
Все дышит тобою в ночной тишине.

Прощайте же, смутные женские чары,
Речей откровенность, сердец забытьё!..
Гостиница,
март за окном,
Чебоксары —
Здесь память моя и блаженство мое.

1935

Любимому Другу

Нам кажется, что дням весны,
Любви и счастью — нет предела
И тратить силы мы должны
Безжалостно и оголтело.

И я, Любимый Друг, бывал
Как раз таким — теперь не скрою.
Что ж! Юность, как девятый вал,
Сметала все, звала с собою.

Себя я вовсе не щадил
И вряд ли смог бы по-другому.
Я как верблюд вынослив был,
Тем более — вдали от дома.

Непрост был редкий отдых мой —
В песках совсем не до веселья.
Когда страдаешь ты — иной
Готов подсунуть горечь зелья.

Не стал я пить его тогда —
И вот горжусь душой сохранной.
Во мне не таял никогда
Надежды пламень неустанный.

И вера выросла давно
В единство опыта и слова.
Быть может, мне и суждено
К застолью приобщиться снова.

У сердца твердость не отнять,
Рассудок здоров и полон света...
В тот час, как начал вспоминать,
Сложил тебе я песню эту.

1940

Себя я никогда не убеждал:
«Она моей избранницею будет».
Скажи мне, кто твоим супругом стал,
Где ты сейчас?..

Никто нас не осудит

За то, что мы когда-то при луне
С тобой, такую кроткою, встречались...
Ты сына своего покажешь мне?
Невесть зачем

с тобою мы расстались.

Ты наше чувство в памяти хранишь,
От гибели меня оберегая.

Пигэ¹ моя, душа моя, услышь!

Пойми меня,

прости меня, родная...

1942

¹ Пигэ (чув.) — девушка.

ИЗ ЦИКЛА
«ЧЕРНАЯ ЧАДРА»

Сорвав цветы прекрасные в садах,
Одежды наши ими украшаем.
Отрада взоров превратится в прах —
Но думать мы об этом не желаем.

Саади Ширази

На заре, когда жемчужно-ал
Край небес

и тишь стоит сквозная,
Соловей меня зачаровал —
Не могу наслушаться, вздыхаю.

Как узнать,

чью душу он сейчас
Песнею щемящею врачует —
Милой ли?

Мою ль, что в этот час
О далекой родине тоскует?

О, рехмёт¹ кудеснику певцу!
Тот, в ком кровь

Сува́ра и Бюле́ра²,
Подойдет к Тимурову дворцу —
Гость, узревший прошлого химеры.

1926. Самарканд

¹ Рехмет (*чув.*) — спасибо.

² Сувар и Бюлер — древние города Волжской Булгарии (VII—XIII вв.).

Хамаспюр, о диво Хамаспюр!¹
Ты представь, как вечер зимний хмур.
Сроду ты метели не видала,
Шубы никогда не надевала,
Хамаспюр, о диво Хамаспюр!

На холодном севере я рос,
Потому-то снег, ровесник грез,
Остудил сердечные тревоги —
И стою у зноя на пороге.
На холодном севере я рос.

Что сказать мне деве в похвалу?
Льешь в ковши, наверно, марсалу,
Угощаешь гостя дорогого, —
Уж не я ли это, право слово?..
Что сказать мне деве в похвалу?

Ах, застолья наши хороши
И навек сохранны для души —
Неги хмель в напитке распознаешь.
Без вина меня ты опьяняешь.
Ах, застолья наши хороши.

¹ Хамаспюр — имя девушки.

Не теряю ль все же разум свой?
Чайхана кружится предо мной,
Что-то в мыслях вспыхнуло, пропало,
Пиала дрожащая упала...
Не теряю ль все же разум свой?

Хамаспюр, о диво Хамаспюр!
Там, где дол ковыльный белокур,
Та меня подруга не дождется,
Чьей любовью сердце это бьется,
Хамаспюр, о диво Хамаспюр!

Нынче звездам в небе нет числа,
Полон их сияньем окоем.
Рядом сядь со мною, коль пришла,
Нынче звездам в небе нет числа,
Помечтаем, милая, вдвоем.

Серп звенящий — месяц молодой
Жнет колосья светлых облаков.
Ах, подруга, радуйся и пой!
«Серп звенящий — месяц молодой», —
Затянуть я, кажется, готов.

Ты совсем дитя еще, мой друг.
Сам я молод. Годы пробегут...
Замуж выйдешь — и замкнется круг,
Ты совсем дитя еще, мой друг, —
Немощному старцу отдадут.

Вдоволь денег выручит отец
Да верблюдов — целый караван.
Молвишь мне: «Прощай!» Любви — конец...
Вдоволь денег выручит отец,
Сердце не излечится от ран.

В час, как выйдет полная луна,
Будет мне служить она чалмой.

Твой отец — ведь кровь моя хмельна —
В час, как выйдет полная луна,
Совладать бы не сумел со мной.

Но, однако, месяц до поры
Не желает ради нас полнеть.
Мы одни — да звездные миры...
Месяц юный может до поры
Обмануть — и в облаке звенеть.

Я у месяца ночью спросил:

«Почему

Без причины ты хмуришься, друг?»

Отвечал он:

«Тоскуешь, видать по всему,—

Вот и я закручинился вдруг».

У звезды я спросил:

«Отчего ты, звезда,

В небе таешь, куда-то спеша?»—

«Возвращусь я к тебе,—

отвечала звезда,—

Коль твоя возмужает душа».

Я спросил соловья:

«Что молчишь ты? Скажи,

Где же песни твоей волшебство?»—

«Билось сердце твое в небывалой тиши,

Не посмел я тревожить его».

Грустит отчего-то хребет Копет-Дага.
Увидишь — поникнешь и сам головою.
О чем размышляет? В нем дремлет отвага,
Он — улып¹. Услышишь ли сердце живое?
Грустит отчего-то хребет Копет-Дага.

Пройти через горы давно в моей власти.
Поистине сказочен сад Хорасана...
Не ведал в юдоли желанного счастья
Великий Саади — певец Гюлистана.
Пройти через горы давно в моей власти.

Ты песню Саади, наверное, знаешь —
Он истины ждал на земле этой вешней —
Так спой же! Ты душу свою открываешь
Ирану родному, красе безутешной.
Ты песню Саади, наверное, знаешь.

Когда ты со мной, не ищи отчужденья.
Чадру свою сбрось. Что для мира ты значишь?
Вот видишь — и солнце, хотя б на мгновенье,
Подобно тебе, в облаках не запрячешь.
Когда ты со мной, не ищи отчужденья.

¹ Улып (*чув., миф.*) — великан, богатырь.

А если ты песню Саади забудешь,
То сам я спою тебе. Знаю, родная,—
За дерзость меня никогда не осудишь,
И песнь моя — вовсе тебе не чужая,
Коль песню Саади ты вдруг позабудешь.

Не достиг я счастливой земли Хорасана,
Не открылись Шираза врата предо мной.
Не звала меня дева к себе неустанно
Незабвенною ночью в саду под луной.

Как мне быть, если Персия все-таки близко,
Если к ней меня снова уносят мечты,
Если там под росой склоняются низко
Небывалые в отчих пределах цветы?

Олеандр розоватый влюбленных укроет.
Персиянка-пигэ, не смущайся, прости...
Голос ласковый сердце подчас успокоит —
Где надежду мне встретить и чудо найти?

Не грусти, коль она не присядет с тобою
Под зеленым шатром в благодатном саду.
В одиночестве сам объяснишься с судьбою —
Ты и радость достойно встречай, и беду.

Лишь тогда ты поймешь, отчего же на свете
Слишком много кинжалов грозят острием,
И за каждую песню ты будешь в ответе,
Ведь слова ее живы небесным огнем...

Не достиг я дремотной земли Хорасана,
Не открылись Шираза врата предо мной.
Будет счастье земное для сердца желанно —
И не надо мне доли, пожалуй, иной.

Что, Ашхабад, скажу тебе сейчас,
Мой друг случайный? Близится разлука.
Грущу один. Взгляну в последний раз...
Что, Ашхабад, скажу тебе сейчас?
Все высказать, поверь, — такая мука!

Иль для тебя в измученной груди
Ни слова, ни тепла не остается?
И встреча предстоит ли впереди?
Меня в рассветной сини подожди —
Ведь песнь, как жизнь, единожды дается.

Никак душе не вымолвить: «Прощай!..»
Куда уйду, надеждами ведомый?
Что выпадет на долю? Некий рай,
Где счастье перельется через край?
Плеснется ль Каспий ширью незнакомой?

Мне все равно... Не о себе скорблю.
Погибшие стоят перед глазами...
Я ради них и глад, и хлад стерплю,
Но прах ничем уже не оживлю —
Ни песнями, ни кровью, ни слезами.

Пронзила голос терпкая печаль.
Мой Ашхабад, прости. Побудь со мною...
Прозрачна вечеряющая даль.
Что огорченья? Вовсе их не жаль,
Когда ты полон радостью земною.

Последний час пришел для нас с тобой.
Взгляни еще, любимая, хоть раз.
Прижмись ко мне, дарована судьбой,
Пускай краснеет саксаул, склоняясь.
Последний час пришел для нас с тобой.

Взгляни еще, любимая, хоть раз,
Черты мои в очах запечатлей.
Случается, обманывают нас
Каменья, чья краса манит людей.
Взгляни еще, любимая, хоть раз.

Прижмись ко мне, дарована судьбой,
Жар сердца моего не позабудь...
«Люблю» не говори — ведь образ твой
Мне скажет все, когда отправлюсь в путь.
Прижмись ко мне, дарована судьбой.

Пускай краснеет саксаул, склоняясь, —
До этого мне дела вовсе нет.
Целуй же — и прощай! Узрев сейчас
Открытого лица нездешний свет,
Пускай краснеет саксаул, склоняясь.

Последний час пришел для нас с тобой:
Зовет обратно родина моя,
По Адалу тоскую день-деньской,
Дух сосен тянет в милые края...
Последний час пришел для нас с тобой.

Беглянка дорогая! Чаровница!
В последний раз на языке чужом,
В глаза мне глядя, хочешь объясниться,
Хоть выражаешь мысль свою с трудом.

Остаться здесь, прелестница, не смею:
Цветок засохнуть может без корней.
Я прочно связан с родиной своею.
Не обольстишь — понять меня сумеи.

Пусть мое имя с каплею сравнимо
В безбрежности морской. Но мой народ
И я, поэт, — вовек неразделимы,
И уз родства никто не разорвет.

Став голосом народа и душою,
Я призван быть повсюду только с ним.
Жить без него? Да слыхано ль такое?!
Пою, родными звездами храним.

Я по глазам увижу, чаровница,
Что хочешь ты сказать. И спору нет:
Всегда к тебе могу я возвратиться,
В скитаньях постигая белый свет.

Прости, пизд. Ведь я иду с тобою,
Похитившей столь дерзостно меня.
Надолго ли?.. Смятения не скрою.
Поняв, за все прости на склоне дня...

Дальше, дальше, жизнь моя, вперед.
Не совсем ясна еще погода.
Все увижу, все ко мне придет:
Будут лад, гармония, свобода...
Дальше, дальше, жизнь моя, вперед.

Не совсем ясна еще погода,
Молод я, как ранняя заря.
Свет без тьмы не дарит мне природа,
Сладость рядом с горечью не зря.
Не совсем ясна еще погода.

Все увижу, все ко мне придет,
Так себя я в мире ощущаю.
Радости и беды, ваш черед!
На себя не много ль принимаю?..
Все увижу, все ко мне придет.

Будут лад, гармония, свобода.
Суждено раскаянье узнать.
Коль рожден на свет я,— для народа
Призван песни новые создать.
Будут лад, гармония, свобода.

Дальше, дальше, жизнь моя, вперед.
Подниму я имя родовое.
В почву вросший, вскинусь в небосвод
Крепким дубом с шумною листвою.
Дальше, дальше, жизнь моя, вперед.

Ноябрь 1926 — май 1927. Ашхабад

БЫЛА ВОЙНА...

ГРОЗА

Как стонет раненый орел,
Грозы июньской стон раздался,
По всей Чувашии прошел,
В туманах Волги отозвался.
И землю молния прожгла,
Неумолимее кометы...
Эпоха голос мне дала
И душу выковала эту.

1941

СОН

Памяти Лермонтова

В степи, в землянке, полночью глухой,
Под вой снарядов, раненный в сраженье,
Метался я в бреду, полуживой,
В каком-то полусне, в изнеможенье.

Я видел тихий город над рекой,
Знакомый дом в сиянии заката,
Друзей моих...

Но странно: их покой
Пронизан был предчувствием утраты.

Красавицы, которых я знавал,
Меня добром привычно поминали.
Туманен был у всех лица овал,
Когда ковши неспешно поднимали.

Слетали с уст негромкие слова,
Души моей совсем не задевали.
Потом запели.

Помнится едва
Напев один, исполненный печали.

Одна из женщин — будто бы извне
На этот пир попавшая случайно,
Сидела отрешенно

в стороне.

Была в ее недвижимом взоре — тайна.

Задумчива, — некстати, невпопад
Чуть слышно на вопросы отвечала —
И ковш заздравный столько раз подряд,
Едва пригубив, сразу возвращала.

Она, витая мыслью вдалеке,
Была в тот миг наитием объята:
Держала чашу полную в руке —
И видела в ней спящего солдата.

Не опьянит очей его весна,
Хоть небеса ясны в его отчизне.
И жаворонка трель над ним слышна:
Что смерть твоя?

Она — во имя жизни!..

И друга ясновидица звала:
«Откликнись! Почему я не с тобою?..»
О Родина!

Чтоб вечно ты жила,
Мы и любовью жертвуем порою.

1942

Солдатская фляжка давно уж пуста,
И горло с душою от жажды горят.
И думу мою разгадал неспроста
Мой огненный конь, дорогой сильсьюнát¹.

Он всюду со мною, мой преданный друг.
И ночью, и днем я качаюсь в седле.
Война мировая грохочет вокруг,
Струится горячая кровь по земле.

А ветер то гриву коня шевелит,
То плотно сплетает.

Кричит воронье.

Душа моя к родине милой летит —
Там ждет меня девушка, чудо мое.

Вот доверху ковш наполняет она
Напитком прадедовским — пивом густым —
И шепчет:

«Ах, что натворила война!

Где друг мой? Когда же мы встретимся с ним?»

Но что же неожиданно ее потрясло?
В очах на мгновение рок начертал,

¹ Сильсьюнат (*чув.*) — крыло ветра, символическое обозначение коня.

Как будто любимый, дыша тяжело,
С коня удалого в сраженье упал.

И девушка, мучаясь:

«Мертв или жив?» —

В бездонную темень глядит за окно.

Сказала бы лучше «Тавссi!»¹,

напоив, —

Не знает,

что жаждой палим я давно.

Не знает,

что сделать, что дать от себя

Любимому —

он вдалеке, средь огня;

Не знает она:

ожидая, любя,

От гибели снова спасает меня.

1943

¹ Тавссi! (чув.) — на здоровье!

Ночи в августе!..

Звезды слетали на землю порой.
Над рекою бессонною
наша столица дремала.
Называл я тебя
утешающей душу сестрой,
Ты в ответ меня братом,
лицо приподняв, называла.

Помню взгляды твои,
устремленные в темную даль,
Отрешенность очей,—
может, знали они о разлуке?
И прошла по лицу,
точно тень над водою, печаль,
И взлетели к плечам,
словно птицы усталые, руки.

Не забыть мне вовеки
сиянья душистых волос.
Золотая пора!
Доброта, безмятежность природы...
В сердце — сладость и горечь.
Ах, сколько нахлынуло слез
С дуновением ветра!..
А дальше — тревоги, невзгоды.

И безмерная грусть
 с осознанием невольной вины
Захлестнула меня,
 снисхождения к думам не зная...
Сквозь раскат канонад,
 сквозь поля небывалой войны
Так немного мне надо:
 твой голос услышать, родная.

1942

О предвечерья грозный час!
Как быстро тени каменеют!
И облака идут от нас —
Туда, на запад, где темнеет.

Они суровой чередой
Во мгле пространства исчезают...
И солнце низко над землей
В закатном мареве пылает.

Сердца людей ранимы вновь
Тревожной горней тишиною.
И показалось: в небе кровь
Плеснулась жаркою волною.

Идут, уходят облака,
Толпясь над городом родимым.
Их отражения река
Подернет горьким, смутным дымом.

Ушедший, солнцу поклонись:
С тобою — жизнь, с тобой — природа.
О, как давно переплелись
Две доли: Волги и народа!..

Уходит облачная рать
В безмолвных чарах отрешенья —
И никому не удержать
Неумолимого движенья.

1942

Дождь идет...

Отдышитесь и снова —
Сквозь простор, до грани забвения!
Будьте, люди, живы и здоровы —
Подошла уж очередь моя.

Адал, словно море, разливайся,
Без меня шуми, не умолкай.
О мечта! В живущих продолжайся.
Я ушел в солдаты, в дальний край.

Там, у нас, — подснежник расцветает
Обещаньем света и тепла.
Жизнь его недолгою бывает —
У Ивника¹

жизнь такой была.

Удержаться б памяти от крика:
Раз душа сгорает, то — всерьез.
Я букет подснежников Ивнику —
Скромный дар товарищу — принес.

Взял поэт цветы,
взглянул, прощаясь,

¹ Ивник Иван Николаевич — чувашский поэт.

И сказал:

«Весна моя прошла...»

Голос вырос,

в грудь мою вонзаясь,

Боль, нахлынув,

горло обожгла.

Дождь идет...

Все рушит, все сминает,

Валит на корню в который раз...

Лихом пусть никто не поминает,

О родные,

беспокойных нас!

1942

ДУМА МОЯ, ДУМА...

Думи мої, думи мої...

Т. Шевченко

Дума моя, дума моя,
Душу жги людскую.
Ты горишь, не утихаешь,
Я грущу, тоскую.

Волга моя, Волга моя!
Ты всегда со мною.
Ах, была бы моя песня
Принята строною.

Песня моя, песня моя,
Речь моя живая!
Каково душе без песни,
Хорошо я знаю.

Дождь холодный хлещет, ветер
Свищет, — ну, посетуй!
Ничего не ощущаю:
Пьян я песней этой.

Из винтовки я стреляю,
Рву кольцо гранаты.
Я и песня — неразлучны,
Оба мы крылаты.

Может, смерть придет неожиданно
В роковом сраженье.
Какова моя судьбина,
Где благословенье?

Знаю: что бы ни случилось —
Мне не испугаться.
Буду я с врагом проклятым
Без пощады драться.

1942

Вот так —
 не успев попрощаться
И дочку не благословив —
Я смерти начну причащаться
Жестокой, —
 хоть все еще жив.

Вот так —
 отпою, отмечаю,
Паду посередине пути...
И вам никогда уже, знаю,
Могилы моей не найти...

Вспомянете ль птицу в полете —
Восторженного чуваша?..
Когда-нибудь
 песни поймете —
И вам отзовется душа.

1942

В ПУТИ

Ах, Тайб́и, взор твой чист и глубок!
Нас, друзья, разметала беда.
Впереди — лишь развилки дорог.
Ну, прощай. Вот взмахнул твой платок...
Вспоминай, вспоминай иногда.

Дай мне руку. Читай по глазам:
К нам судьба повернулась лицом.
Дар твой искренний — вызов годам,
Этот символ понятен лишь нам, —
Никому не расскажем... Потом...

Знай: с войны я к тебе возвращусь.
Буду счастлив, коль цел-невредим!
Вдруг случится, что с Музой прощусь
И в сапожника я превращусь?..
Не носи свою обувь к другим!

До свиданья! Боль сдавит висок.
Не Нарсп́и¹ ль ты родная сестра?
Сердце, право, не камень. Далек,
Плещет по ветру белый платок.
Улыбнись. Подожди. Ты добра...

1942

¹ Нарсп́и — героиня одноименной поэмы классика чувашской литературы К. Иванова.

САЛАМБИ¹

1

Саламб́и, дочурка дорогая!
Ты мала — и только потому
Мне еще не пишешь, вспоминая,
Каждый день по длинному письму.

Знаю, ты солдата не забыла —
Он дочерней верою храним.
Голос твой ему прибавит силы,
Образ твой — повсюду перед ним.

Помни, что землянка фронтовая
Светом глаз твоих озарена.
Поцелуй меня, моя родная,—
Даже смерть мне будет не страшна.

2

Ласточки, беспечно распевая,
Стали к нам на бруствер прилетать.
На руках тебя приподнимая,
Чтоб могла ты их язык понять,
Не стою с тобой я в тишине.
Ты прости.

Отец твой — на войне.

¹ Саламби — имя дочери поэта.

Пчелка, жаждой вешнею томима,
Над цветком кружится — вижу я.
Кто же даст тебе пригубить сѣма¹,
Чтобы нежной речь была твоя?
Мед да масло — где найти их мне?
Ты прости.

Отец твой — на войне.

3

Днем и ночью то дождем, то градом
Сыплется свинец в ненастный час.
Хорошо, что ты, родная, — рядом,
Хорошо —

что в далеке от нас.

И когда усталость донимает,
Стоит на лицо твое взглянуть —
Сразу голос в песне оживает
И свободней можно мне вздохнуть.

Что поделать —

здесь передовая.

Остается раненый в строю.
О тебе, дочурка, вспоминаю —
И тревоги смутной не таю.

Днем и ночью то дождем, то градом
Сыплется свинец в ненастный час.
Хорошо, что ты, родная, — рядом,
Хорошо —

что вдалеке от нас.

¹ Сым (чув.) — мед, медовый напиток.

Ветры, вдоль по улицам шныряя,
 Рвутся в двери, воют по щелям.
 Дни свои и ночи коротая,
 Вы — вдвоем.

Не голодно ли вам?

Вы — вдвоем.

В печи бушует пламя.
 Старые игрушки — в стороне.
 Бабушку ты просишь вечерами:
 «Спой-ка по-чувашски, азанне¹!»

Азанне поет...

И мне узнать бы:
 Что она поет тебе, о чем?
 Хоть на время маленьким мне стать бы,
 Постучаться к вам, в родимый дом.

Сказке бы чудесной удивляться,
 Затаив дыханье, как и ты,
 Чтоб конца счастливого дожждаться,
 На салазках мчаться с высоты.

Голоса родные различаю,
 Но гремит оружием война.
 Да, она не сказка, понимаю,—
 Как узнать,
 чем кончится она?

Не до сказок на войне, родная.
 Но, идущий сквозь огонь и дым,

¹ Азанне (*чув.*) — бабушка со стороны отца.

Дивный город¹ —
 в нем ты рождена —
 Окружает враг со всех сторон.
 Не грусти, усни.
 Идет война.
 Ни за что врагу не сдастся он.

Опустела комната твоя.
 «Ты еще вернешься к нам опять, —
 Говорят тебе твои друзья,
 Мишка и котенок, —
 надо спать».

Сад, где так любила ты гулять,
 Сотни раз обстрелян в эти дни.
 Но голов не думают склонять
 Люди и деревья.
 Ты усни.

Воду, где охотно столько раз
 Ты плескалась в прежние года,
 Замутили чужаки сейчас —
 Знай:
 от них не будет и следа!

Месяц над рекой подняться рад.
 Ты в своей кроватке — вижу я.
 Молча я почистил автомат.
 Спи, дочурка милая моя.

¹ Ленинград.

Что за чудо — в имени твоём!
 Кто его придумал и когда?..
 Я сейчас признаюсь, дочка, в том,
 Что тебе завидую всегда.

Имя я твое произнесу —
 И опять мне восемнадцать лет.
 Юности отвагу и красу
 Вспоминаю — им забвенья нет.

Расскажу я, доченька, тебе,
 Чтобы все ты сердцем поняла,
 Старое преданье о судьбе
 Саламби, —

давно она жила.

Мастерица петь она была,
 На уяве¹ по весне плясать, —
 Но вождем восстания смогла
 Эта девушка позднее стать.

Сто, а может, двести лет назад
 (Как давно — о том не знаю сам)
 Бунтовали предки, говорят,
 По родимым волжским берегам.

«Кто кого, посмотрим!» —

гул стоял

Над широкой гневной водой.
 На ветру росли за валом вал
 Белопенной, буйною грядой.

Лодки — в щепки,

барки на глазах

Исчезали в бездне роковой.

¹ Уяв (чув.) — весенний праздник с песнями и хороводами молодежи.

В голосах звучал повальный страх:
«Господи! Вода чинит разбой!»

Древняя дубрава, зашумев,
Встала, войску грозному сродни.
Охватил дубы великий гнев,
«Не сдадимся!» — молвили они.

Что за свет струится меж ветвей,
Разогнав ночную темноту?
Саламби на дуб, что всех стройней,
Белую повесила фату.

Собирала так она народ,
Чтобы вилы с топорами взял,
Чтобы сбросил с плеч он тяжкий гнет,
Против угнетателей восстал.

Но, однако, зло еще семь раз
Пригибало до земли людей.
Саламби, увы, не дождалась
Грезившихся в бурях светлых дней.

Стрелами изорвана врагов
Белая фата...

Беда кругом.

Многих взяли в плен бунтовщиков,
Взяли вместе
с девушкой-вождем.

Поспешили девушку сгубить
В темной чаще...

Пусть идут года —

Имени ее не позабыть
Времени и людям никогда.

ПОЛЕМ ВОЙНЫ

Мы — над Западным Бугом.

Признаться,

Не широк он.

Заверить могу:

Если смелый захочет купаться,

То нырнет — и на том берегу.

Освежится, привычно встряхнется.

Крепкий торс, точно налит огнем,

Заискрится в лучах,—

и проснется

Дух язычества, дремлющий в нем.

Плотным мышцам под кожу тесно,

Загорелые грудь и спина...

Но совсем о другом — моя песня,

Не такие теперь времена.

Колосится под солнцем пшеница.

В ней, как это ни тягостно нам,

Перед боем

пришлось затаиться

Орудийным безмолвным стволам.

Сколько щедрых полей Украины

Мы, присяге и долгу верны,

Исходили в лихую годину
По суровым дорогам войны!

Средь стеблей наклоненных пшеницы —
Маки, маки —

куда ни взгляни.

Нет числа им.

Когда появиться

Здесь, на поле, успели они?

До войны ли их здесь засевали
Или выросли сами?

Как знать!

Меж колосьев,

в безмерной печали,

Пламя алое стало пылать.

Поле, поле!

Издrevле прекрасны

И приволье твое, и покой.

На войне человек ежечасно

Тяготится своею бедой.

Красота? От нее отвыкаем...

Сколько маков цветет над рекой!

Это поле —

мы все это знаем —

Сплошь забрызгано

кровью людской.

1944

Конь огненно-рыжий

сквозь вьюгу летит,

Коня молодой погоняет джигит.

А снег все густеет...

Средь белого дня

Пятно забелело на лбу у коня.

Вот всадник уже к блиндажу прискакал,

К сосне заснеженной коня привязал,

Заметил на лбу его выросший ком —

И снег осторожно смахнул рукавом.

Конь фыркает громко, отчаянно ржет,

Тревожится, места себе не найдет,

Конь гривую машет, в испуге храпит...

Заходит в блиндаж

удивленный джигит.

Вот шапку он скинул и снег отряхнул.

Водицы испить бы!

В ведро заглянул:

Покрыты виски его сплошь сединой —

Такие снега

не растают весной.

1943

О земляки мои!
 Наверно, все на свете
Я отдал бы сейчас,
 чтоб вновь увидеть вас.
Черты земли моей,
 безгрешные, как дети,
Не раньте душу мне!
 Не спрятать влажных глаз.
Пусть кровь моя текла
 и с Вислою смешалась —
Ведь Адала волна
 прозрачную осталась!

А если выйдет так,
 что вас я не увижу,
Родные и друзья
 и все, кто жив, кто ждет, —
Пусть каждому из вас
 намного станет ближе
Печальный голос мой —
 он с ветром к вам придет.
Один бы вздох сберег
 осенний горький свет:
За все спасибо вам,
 за все, за все — рехмет!)

1944. Польша, Красник

Гусей протяжный крик
поодаль различаю...
Солдат ушедших песнь,
тревожась, вспоминаю.

Во мгле седых небес
над сердцем пролетайте,
Земле моей поклон,
скитальцы, передайте.
Пускай среди бурь мирских
в пути вы были долго —
Радужна и тепла,
гостей приветит Волга.

В далекой стороне,
в разлуке и печали,
Вы песнею без слов
мне раны врачевали.

В краю моем родном
узнаете о чуде —
Пускай утешат вас
внимательные люди.

1944. Польша

ВОСПОМИНАНИЕ

И. Ивнику

Снова вспомнилось:

умер поэт...

В Чебоксарах по улицам старым
Двойником его слова душевного
Вешний ветер бродил, пригорюнясь.
Слышу голос Ивана Мучи¹ —
Возле гроба поэта
Говорил он о братстве людском,
О бессмертии мысли и песни.
И один мой испытанный друг
Безутешно рыдал, как ребенок,
Хоть мужчиной седеющим был...
Было тяжело мне говорить,
Не нашлось ни единой слезинки,
Чтобы боль в душе увлажнить.
Младший брат мой

проклятье оставил

Темным силам, врагу, войне.

Мнилось:

вот он в начале пути.

И в печали я вдруг осознал,
Как беда

за каких-то полгода

Столько славных сынов

отняла у народа.

¹ Иван Мучи — известный чувашский писатель.

Мой черед пришел
попрощаться —
Там, на пристани,
ждали солдаты.
Уходящего в землю сырую
В лоб, нагнувшись,
поцеловал я:
Был он холоден —
умер поэт!
И шагнул я —
смерти навстречу...

-1945

Гнев всех народов, собран воедино,
Без устали в груди моей пылал.

Язык родной, любовь моя и вера,
В любом краю повсюду был со мной.
За Иванова, Сёспеля¹, Эльгёра,
За славу нашу шел я смело в бой.

Мы возвратились.

Шумное застолье,
Всех радуя, объединяло нас.
Но о погибших
все мы вспомним с болью,
Не стихнуть ей и в этот светлый час.

За чистоту сердечную, за славу,
За тот почет, что дал тебе народ,
За то, что молодость тебе по нраву,
За цельность ту, что так тебе идет —

Поклон тебе мой низкий,
друг мой старший!

До ста бы лет красу земли родной
Ты лицезрел,—
а мысли, вечной ставшей,
Жить в будущем — скиталице земной.

Пусть тот живет, кто слышит наши речи,
Мечтанья наши давние поймет,—
Наш будущий собрат!

Я жажду встречи,
Я верю в слово, верю в свой народ.

Пускай внесет он в душу свет денницы,
Пускай от сердца отведет беду,

¹ Иванов К., Сеспель М.— классики чувашской поэзии.

Гремит как гром, щебечет словно птица, —
Давно такого я поэта жду.

Я верю так давно в его рождение,
Я чувствую:

пора его пришла.

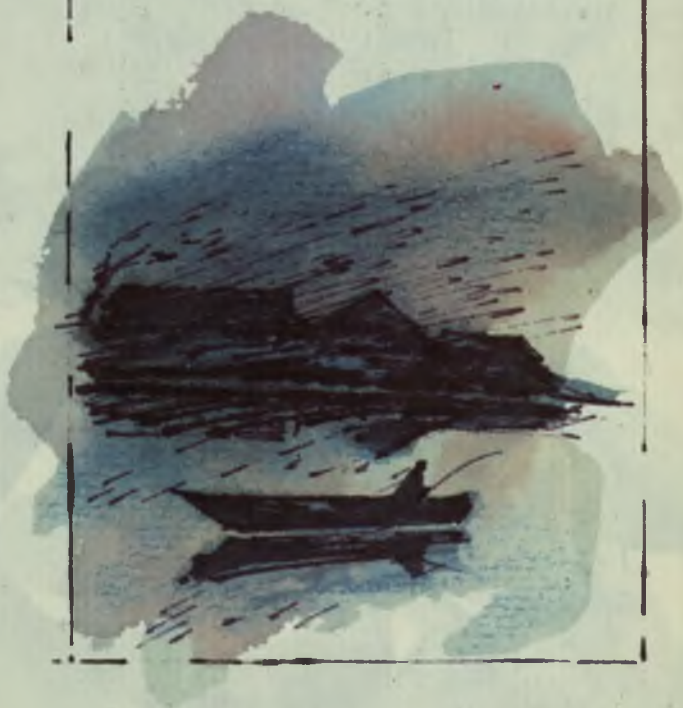
И люди, дав ему благословенье,
Дадут ему широкие крыла.

О ты, кого я ныне ожидаю,
Чей дар высок, чья мудрость глубока!
Я кланяюсь тебе, благословляя, —
Приди на этот пир через века.

Пусть лес шумит,
пусть длится рек струенье,
С Эльгером — наши души и сердца.
Пускай придут иные поколения, —
Поэзии на свете нет конца.

1954

СОНЕТЫ

ДУБ НАД ВОЛГОЙ

Отец наш — старый дуб.

Чувашская народная песня

Над Волгою высоко вознесен,
Чернеет он сожженной вершиной —
Знать, с грозами не раз сражался он,
Стоял меж туч, несущихся лавиной.

Он кряжист, древней славой осенен,
Напитан корень силою глубинной.
Дубки, подняв знамена юных крон,
Шумят вокруг растущую дружиной.

Ты, мой народ, как этот дуб былинный,
Встал на земле. Детей твоих не счесть.
Бессилен меч пред твердой сердцевиной!

Все от тебя во мне: и труд, и честь,
И радость бытия, и грусть порой...
Отец мой, дуб! Я — крепкий желудь твой.

1953

СОМНЕНИЕ

И этот день прошел. Что сделал я для мира?
Я вновь перевернул листок календаря.
Ужели звук извлечь бессилён я из лиры
И сердцу не видна желанная заря?

Быть может, второпях, с отвагой певчей дружен,
Я создал странный мир—и вот понять пора,
Что роду моему нисколько он не нужен?
Ну что ему сейчас до моего пера?

Мой труд — сизифов труд: влачи коварный камень,
К вершине роковой, упорствуя, стремись...
Когда же окажусь вон там, над облаками,
Где в тишине меня созвездья заждались?

Коль не судьба туда однажды добрести —
Не лучше ль жить, как встарь, да лапотки плести?

1927

АРХЕОЛОГУ

Вокруг раскопа — ров. А рядом шелестит
Набухшая зерном пшеница золотая.
И древний манускрипт сквозь сотни лет гласит:
Здесь, в городских стенах, кипела жизнь людская.

Лопату взяв, ты знал, что время наслоит
Упрямые пласты, в глубь почвы их вжимая, —
Но прозреваешь ты, монету поднимая,
То, чем базар богат, чем нищета томит.

Щербатый черепок невольно воскресит
Многоголосый гул старинного застолья;
Вновь глину месит раб, а рядом смех звучит.

Находишь ржавый меч: кто, взяв его, с юдолью
Мерзавца разлучал иль выручал лжеца?
Ты объяснить нам все обязан до конца.

1935. Сувар

ДЕВУШКИ ВИРЬЯЛА¹

Белы одежды, голени темнеют.
Подобно чайкам, девушки Вирьяла
Садятся в лодку. Сердце застучало:
Шесть белых весел над волнами реют.

Так дважды в день они, как встарь бывало,
К низинам переправиться успеют
И возвратиться с ведрами устало.
Дух молока над ивняком густеет.

Лесные птицы, сестры! Почему
Никто из вас — никак я не пойму —
Онучи летом размотать не омеет?

В крови, наверно, память смутных дней,
Когда в лесах спасались вы от змей.
В догадках пусть этнографы седеют!

1936

¹ Вирьял — северо-западная часть Чувашии, где проживает этнографическая группа верховых чувашей.

ЧУВАШ

Я очень стар. Едва истории денница
Взошла над миром,— я очнулся ото сна,
И сделал первый шаг, и начал в даль стремиться
Под небом, чья была чиста голубизна.

По целине прошел я с плугом деревянным
И поднял черный пласт земли. Все это — быль.
Я с корнем корчевал клонящийся ковыль,
Чтоб сеятеля труд стал счастьем долгожданным.

Где только не бывал я? В памяти моей
То вечные снега, то жаркий дух степей,
То теплые моря, где добывал кораллы...

В земле моей родной — в извечной кладовой —
Лежащий там давно нухрат¹ старинный мой
Хранят века,— хоть в ней иных монет немало.

1963

¹ Нухрат — серебряная монета, имевшая хождение в средние века среди волжских булгар, предков чувашей.

У КОМПОЗИТОРА

Г. Я. Хирбю¹, сердечно.

Мысль комнату твою раскрыла дивной далью.
Я вышел от тебя. Мечтанья — все смелей.
В мелодиях твоих есть мужество с печалью —
Так опыт отражен в глазах иных людей.

Так рокот волжских волн, со звуками сарная
Сроднившись искони, в сознании живет.
О песни — честь земли! Им закрывали рот!
Горит моя душа, бывшее проклиная.

Ты — мастер красоты звучащей. Что хочу
Тебе я пожелать? Деяний — по плечу.
Дай взмах орлиных крыл любимому народу.

Я верю: наших душ не станет гаснуть пыл.
Я знаю, что должны из смутных мира сил
Гармонию создать труд славный и свобода.

1939

¹ Хирбю Г. Я. (1911—1983) — известный чувашский композитор.

САЛАМБИ

Единственный росток любви моей несчастной...

Байрон

О, сколько было их — очей с мятежной чернью...
От караванных троп до финских мшистых скал
Племен чувашских ток, безмерное кочевье
В зеркалах этих я так часто прозревал.

О, сколько было их — прекрасных и жестоких,
На жизненном пути, — поведать бы не смог.
Но та, что звал всю жизнь, — она в краях далеких,
Не слышала она — и вот я одинок.

Ты этого сейчас понять, увы, не сможешь,
А позже — надо ли? Вдруг сердце растревожишь?
Все бренно: от красы до истины самой.

...О, сколько раз поэт искал в очах дочерних
Души народной свет — звезду в полях вечерних...
В тебе бы мне его найти, — о боже мой!

1943

СПАСЕННЫЕ

...Что хата! Печь разбита — вот беда.
С золою — ветер. Трав осенних дрожь.
Но жизнь не остановишь никогда —
И на листе железа сушат рожь,
Достав ее из ямы потайной.
Сюда вернулись люди лишь сейчас,
До этого скрывал их лес глухой.
Все — босиком. Одежда порвалась.
И вот ручная мельница трещит —
Ее вращает девочка. Она
Нежданною улыбкой изумит,
Пережитым измучена, бледна.
Чему смеется? Ты поймешь без слов:
В руинах — край, но нету в нем врагов.

1943, Орловская область

ПАВЛУ ТЫЧИНЕ

То в гуле октавы, то в звоне терцины
Твой голос я слышу подчас.
Идет, как солдат, вместе с нами Тычина,
Звучит, словно песня, приказ.

Где сад, где музей?.. Пепелища, руины.
Огонь до небес достает.
И все ж никогда не умрет Украина,
И песня ее не умрет.

Пока на заре видишь крови струенье,
Поешь ты суровую песню отмщенья:
«Твой пепел стучит в мое сердце, Клаас!»

Ты мать, которою вскормлен Тарас,
Не бросил в лихую годину,
Как должно достойному сыну.

1944

ГЛАЗ ВОЛГИ

Зимой, когда пруды и реки замерзают,
На Адале, что спит под плотным слоем льда,
Прохожий круг воды чистойшей замечает —
Дождется вешних дней живучая вода.

Лед — толщиной в аршин. Он рядом нарастает,
Но холодам вода не сдастся никогда.
«Глаз Адала» ее в народе называют —
То солнце в полынье, то ясная звезда.

Пусть обожжет мороз, ярятся ветры злые —
Водица все жива и плещется слегка,—
То изморозь над ней, то занавесь снежка.

Пусть, несмотря на все года мои былые,
Вот так же вдохновенье вечно, день за днем,
Живет упрямо в сердце бьющемся моем!

1949

THESAURUS DINGVAE TSCHUVASCHORUM¹

Памяти Н. И. Ашмарина

Когда во зле в глаза нас оскорбляли
Безмозглые чиновные умы
И загубить язык наш обещали,
Чтоб в немоте грядущей жили мы,—
Ученый вырас² злые силы эти
Деянием достойным заклеил:
Язык чувашский — жив! Он есть на свете,
И будет жить он — так, как прежде жил.
Его словарь — над временем победа,
Хранилище чудес, где мысль светла.
Наверно, не случайно книга эта
Границы государств пересекла.
Так душу нашу, свет родной земли
Сыны России убережь смогли.

1953

¹ Латинское название знаменитого 17-томного словаря чувашского языка Н. И. Ашмарина, выдающегося тюрколога и чувашевода (1870—1933).

² Вырас (*чув.*) — русский.

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

Увидишь лик — сияет добротою.
Учитель старый мягок был душой...
Что за огонь, за вихрь взметал порою
В союзе с сердцем этот ум большой,
Когда повсюду — враг, куда ни глянешь,
И самому скитаться довелось!
В родном отечестве пророком — станешь.
И, выдержать чего бы ни пришлось, —
Язык родной пронес он сквозь невзгоды,
Дверь языков открыл для всех народов¹.
И я, чуваш, сегодня понимаю,
Что с этой дверью мир мне отворен,
И Яковлева² снова вспоминаю —
Коменского последователь он.

1961. Прага

¹ Речь идет о книге Я. А. Коменского «Открытая дверь к языкам» (1631).

² Яковлев И. Я. (1848—1930) — великий просветитель чувашского народа, создатель новочувашской письменности, последователь Коменского.

ЖЕЛУДЬ

Пока он не созрел — не упадет.
А если ветер вдруг его сорвет —
Бочком зеленым к почве прислонясь,
Горюет он: настал недобрый час.

Созревший — раскрывается он весь,
Стащив с макушки шапочку, — и вот
Он падает на землю, чтобы здесь
Взойти с весной на следующий год.

Коль ты порой торопишься в стихах —
Почуешь тяжесть собственной вины.
Как желуди ждут срока на ветвях,
Слова дожидаться зрелости должны.

Нетерпелив я в жизни, — признаюсь.
В поэзии — терпению учусь.

1962

...О нет! Не соглашусь я никогда
Покинуть в одночасье навсегда
Вот этот бор с корявою сосною,
С веселым дятлом, с ежиком в кустах,
С тяжелою росой на листьях.
Живые души, вы дружны со мною!

Вот с этой чайкой встрече — не бывать?
На лодке вдалеке — не разрезать
Волну неугомонную речную?..
«Быть или не быть?» — существенный вопрос,
И он сейчас решается всерьез.
Итак — «не быть». Что ж, я не протестую.
Но все же... Быть хочу — готов сознаться,
И, ежели возможно, — здесь остаться!

1962

MAME

Ты даровала мне свет ясный бытия.
Ах, мама, ты — вся жизнь, любовь и боль моя.
Случалось ли тебе о прошлом вспоминать —
Что оставалось вновь? Лишь тяжело вздыхать.
И горло стиснул мне печальных песен лад —
С тех пор как я рожден, в душе они звучат.
Под окрик «куланай»¹, под резкий свист кнута,
Убога и свята, сгибалась нищета.
Глухой осенний дождь спросонья брел впотьмах,
И не было зерна в безмолвных закромах.
Видения: хушпú и без монет — сурбан².
И к старосте спешил дружок его, куштán³.
Познавшая нужду, ты слезы без числа
В передник белый свой, наверно, собрала...
Тавáх⁴ твоим слезам! Скажи мне, отчего
Слезами полит путь народа моего?
Благослови меня — чтоб каждая из них
Жемчужиной зажглась в деяниях моих.

1925. Сиктерме

¹ Куланай (чув.) — дань, подать.

² Сурбан (чув.) — женский головной убор.

³ Куштан (чув.) — деревенский богатей.

⁴ Тавах (чув.) — спасибо.

В деревню бы вернуться мне сейчас.
Хочу, чтоб осень снова началась,
Дожди впотьмах по кровле застучали,
Чтоб сказку мама плавно завела,
Чтоб сказка эта в душу мне вошла,
Чтоб за плечами крылья вырастали.

Терпенье материнское и боль,
Взор ангела и горькую юдоль
Душа моя так чутко понимает.
Напевы мама тянет, словно нить,
И, голову успевшая склонить,
Лицо свое подолом утирает.

Сохранно это. Сколько раз потом,
Лишь только наклонюсь я над листом —
Вновь голосу далекому внимаю...
А море взбудоражено слегка,
Бегут валы, клубятся облака,
Но мама — рядом. Что мне даль морская!

Мне кажется, я заново рожден,
И в слух мой проникают, как сквозь сон,
Все звуки мира — кровного, родного.
И льется свет волшебный за окном,

И мама со своим веретеном
В глубины сердца тихо входит снова.

Вот в море — шторм. Уделом горд своим,
Все крепнет ветер. Я неколебим.
Я клич себе обдуманый бросаю:
Ты разуму всецело подчинись!
Я чувствую пленительную высь,
Гармонии величье открываю.

Домой бы возвратиться мне сейчас.
В тепле, в тиши хочу, благословясь,
Среди бесед начать неторопливо
Большой роман в стихах — о том, о сем,
О днях моих, о времени былом,—
О том, чем сердце бьющееся живо.

1931

祭 祭 祭

Полно, мама, грустить.

Не томись понапрасну.

Наклоняясь над пряжей, не надо вздыхать.

Пусть усталому сердцу откроется ясно:

Силы коршуну в клетке вовек не набрать.

Мил мне дом этот —

право, в нем столько уюта! —

Столь наряжен тебэль¹, так широк этот стол...

Ветер в нашем краю всех теплей почему-то,

Да и солнца светлей я нигде не нашел.

Но меня не зови —

удержать ведь не сможешь,

Не укутывай нежностью душу теперь.

Коль расправлены крылья —

уже их не сложишь,

Без полета болят они слишком, поверь.

Не стели мне постель — мягче нету, не скрою,

Не клади мне подушку — пуховый туман.

Не повязывай, встав по привычке с зарею,

Так меня умиляющий белый сурбан.

¹ Тебэль (чув.) — передний угол избы.

Бедный раненый ангел мой!

Въявь представляю,
Как в года, что теперь и не вспомнить почти,
«Постарею — меня ты утетишь, я знаю!» —
Веря в сына, ты думала...

Мама, прости!

Не утешил я душу тебе.

Я судьбою
Был от дома оторван, — ужель на беду?
Неоплатен давнишний мой долг пред тобою —
Может статься,
что с ним я и в землю уйду...

Полно, мама, грустить.

Не томись понапрасну.
Ты над пряжей своею, вздохнув, не клонись.
Пусть утехою сердцу представится ясно
Коршун, смело летящий в небесную высь.

1930

ТЕРЦИНЫ

Внемли сердцу своему...

Данте

I

Сейчас так ясно помню — хуранай¹.
«Абаб!» — мне в шутку мама пригрозила.
И замер я послушно: место знай.

Мать с ведрами калитку отворила.
На лавке я. Открытое окно
Неторопливо солнце озарило.

Смотрю на пламя: что таит оно?
Что за «абаб»? Еще живое пламя
Мерцаньем углей скоро стать должно.

Мне прикоснуться хочется руками
К нему — понять, зачем оно горит.
Но мамиными скован я словами.

Вернулось стадо — фыркает, мычит.
Уже бредут коровы перед домом.
Овечий гурт за ними семенит.

¹ Хуранай (чув.) — подставка для котла, казана.

А я сижу. Все кажется знакомым.
В полнеба разливается закат.
Пыль поднялась туманом невесомым.

И вот уже улавливает взгляд
Зеленых ведер плавное качанье —
И я кричу, как в детстве лишь кричат:

«Я ждал тебя!» (Весь — счастье, послушанье.)
«Маттúr!»¹ — сказала мама и прошла
Перед окном, как дивное сиянье.

Такая радость к сердцу прилила,
Что в нем отозвалась сама природа.
И намять эта до сих пор светла.

Тогда мне было, видимо, три года.

II

Поют все щели. Ветер над землей,
Азаном² с минарета завывая,
Летит, оглохший, сумрачной порой.

Я на полу лошадок вырезаю
Из содранной коры, — я увлечен,
Я обо всем на свете забываю.

На липовой доске — волшебный сон:
Стремительные мчатся ургамáки³ —
К желанной сказке каждый устремлен.

¹ Маттур (*чув.*) — молодец.

² Азан (*тат.*) — призыв к молитве.

³ Ургамáки (*чув.*) — аргамáки.

Их торопя, я делаю им знаки:
Скорей, скорей — туда, в страну чудес,
На ветрокрылых — вдаль, сквозь буераки!

Я вижу гору, море, темный лес,
Я в сотый раз себе воображаю
Дракона, льва, высокий свод небес.

Когда в передний угол выбегаю,
То ударяюсь о скамью. Ну вот!
В глазах — зари осколки. Я рыдаю.

А мама мне: «До свадьбы заживет!»
Разбитый нос и слезы вытирает
Так бережно, — и лыко вновь дерет.

О, сколько красоты в ней! Оживает
Свет нежности в глазах ее сейчас —
И сразу прямо в душу проникает.

Я на нее не отрывая глаз
Смотрю. Веретено ее кружится.
А вот уже и песня полилась:

«По ягоды пошла краса-девица...»
Как девушку мне эту увидеть? —
Неужто с мамой красотой сравнится?

Тогда мне было, думаю, лет пять.

III

Единственным я был. Мне не забыть,
Как грустно время в детстве протекало.
Соседка может это подтвердить.

В саду колода старая лежала,
Грибы на ней я часто поливал —
Мы ели с мамой суп грибной, бывало.

Боялся я, лишь вечер наставал,
Из дома выходить, — мне сила злая
Мерещилась вокруг, я весь дрожал.

Учеников к нам на постой пуская,
Дарила мама радость мне всегда.
Был книгами завален стол до края.

Волшебных букв тянулась череда,
И карандаш манил неудержимо:
Возьму его — и все смогу тогда.

И, непонятной тягою томимый,
Предметы эти трогал я порой —
Значение их было осязимо.

Ученики читают, — сам не свой,
Смотрю на них, на белые страницы,
Как будто чудо вижу пред собой.

И так вот, день за днем, письму учиться
Я стал, — прекрасный мир вошел в наш дом,
И понял я — там есть чему дивиться.

Ушли на свадьбу как-то мать с отцом.
На посиделках девушки попели,
Повышивали, спать легли. Потом,

На цыпочках, тихонько, как воришка,
Я к изголовьям спящих подошел,
Пошарил под подушкой, — вот и книжка

Знакомая!.. Скорей ее на стол!
Свет слабый, как куриный глаз, мигает.
Попробовал читать... Что я обрел?

Язык родной! Я слышу — кровь вскипает,
И сердце рвется ввысь из темноты,
И губы клятву чистую слагают:

Сетнер, в тебе — грядущие мечты,
Нарспи, в тебе — души чувашской сила!
О ночь без сна, что мне открыла ты!..

Лет семь тогда, наверное, мне было.

1932

МАМЕ

Вечерами в печали вздыхаешь,
Вспоминаешь порою ночной.
Возвратится иль нет? Как узнаешь,
Коль сыночек твой отнят войной!..

Древним песням твоим — не забыться,
Эта святость — со мной навсегда.
Как хотелось бы мне притулиться
Под крылом твоим, хоть иногда!

Только разве не всех — так бывает —
Сыновей с дочерьми в грозный час,
Глядя прямо в глаза, обнимает
Наша мать, что едина у нас?

Пусть изранена, горем объята —
Невредима она среди войны,
Та земля, на которой когда-то
Мы с тобою на свет рождены.

И за Родину-Мать дорогую
В бой идти против вражьих лавин
Мы, оружие наше целуя,
Дали клятву бойцов, как один.

Коль за Родину-Матерь в сраженье
Вдруг погибну под шквалом огня
И не будет к тебе возвращенья —
Не вини тогда, мама, меня.

Знай, науку старинную чту я,
С детства жив ею и вдохновен:
Почитающий мать родную
Да пребудет вовеки блажен.

На колени у знамени вставший,
Понял я всей душою своей,
Что без Матери-Родины нашей
Нет как будто и мамы моей.

Имя Родины вечным заветом
Будет в славе над нами сиять.
Имена наши — в имени этом,
О моя незабвенная мать!

1942. Сталинградский фронт

ЗЕМЛЯ ЛЮБИМАЯ,
ЧУВАШИЯ МОЯ!

ПРИГЛАШЕНИЕ

Хотите ли страну мою узнать?
Древна она — и все-таки юна.
Тетеревам случится токовать —
Душа лесною музыкой хмельна.
И если праздник — всех гулять зовут,
Поскольку гору с места сдвинул труд!

Пора узнать вам ближе мой народ:
Сто тысяч слов питают речь его,
Сто тысяч песен всюду он поет,
А вышивки — сто тысяч! — волшебство...
Так приезжайте, братья, в гости к нам —
Пусть каждый убедится в этом сам.

1961

В СТРАНЕ НАРСПИ

* * *

Приехал я на родину поэта.
Попутных нет в помине.

Ночь кругом.

Прождал я так до самого рассвета,
Потом решил отправиться пешком.

Уже денница ярко разгоралась,
И смутный мир природы оживал.
«Ах, поскорей бы солнце поднималось!» —
Подумал я и быстро зашагал.

Вот облака в голубизне небесной
Разверзлись вдруг —

и свет плеснул волной,

И мост, как в сказке, —

розовый, чудесный —

Лег через Слак¹ мгновенно предо мной.

Прошел вирипрыжку дождик.

Травы рады,

На листьях — бледный отсвет серебра.

Чиста земля.

Мыча, выходит стадо.

¹ Слак — название реки в Башкирии, на родине великого чувашского поэта Константина Иванова.

Здесь — тайна.

Как завесу приоткрою?
Чего он ждал? Что постигал душой?

С какою мукой и с какой любовью
Оно бы в мире поднялось опять,
Святое сердце
с древней, жгучей кровью,
Когда б он дальше продолжал писать!..

* * *

Вот здесь Нарспи с зарею умывалась,
Здесь своего коня Сетнёр купал¹.
А со стволов вот этих,
встарь случалось,
Прохожий лыко всякий раз щепал.

Вот погреб Михедэра². Яма эта
Крашивой непролазной заросла.
Вот луг —
косили здесь в разгаре лета
Слезам и песням не было числа.

Вот Балка Конопляная, а рядом —
Деревья.
Да, здесь рощица была.
А на краю, вот здесь, —
впиваюсь взглядом —
Не та ли это самая ветла?

¹ Нарспи и Сетнёр — главные герои поэмы К. Иванова «Нарспи».

² Михедер — один из героев этой поэмы.

Куда уж нам — с богатым Вазинккою¹
За стол садиться вместе, есть и пить!..
А сын его —

 тот с доброй был душою,
Хороший парень, что и говорить.

Ходил на свадьбы он, на жатву с нами,
Всегда с людьми поговорить любил.
Жизнь коротка у добрых — знаем сами.
Вот он покинул мир — а молод был.

Вот здесь лежал он, бедный.

 Мать страдала.

Сидела рядом... Чем ему помочь?

Я — был в прислуге.

 Посмотрю, бывало,

Как мучится,— и мне уже невмочь.

Курил он много, вот ведь что обидно,
Покуда папиросу мог держать.
От этого огня и дыма, видно,
Быстрее сердце стало усыхать.

Последние слова его едва ли
Забуду,— всё звучат они в душе.
— Умру я скоро, мама,—

 он в печали

Сказал.—

 Я это чувствую уже...»

* * *

Дом отдан под правление колхоза,
Но будет здесь музей, само собой,—

¹ Вазинкка — отец поэта.

Об этом земляки вполне серьезно
Речь завели минувшею весной.

Да, двадцать лет —

со дня его кончины.

Вот тополь, им посаженный, растет.

Свет душ людских — в поэме Константина,

Он всем открыл глаза

на свой народ.

И грозы Революции могучей,

Всю ржу и плесень выскоблив из нас,

Смыв наслоения нищеты дремучей,

Спасеньем стали —

мы чисты сейчас.

Свободны мы — нам не забыть об этом.

Сетнер теперь — в деревне бригадир

Иль агроном, — а может, стал поэтом:

Трудись, ищи —

тебе открыт весь мир.

* * *

Ветров башкирских дикое вторженье

Ошеломляет! —

Так вот на конях

Орда в степи несется,

вся — движенье,

Крича, бранясь, в сердца вселяя страх.

Размахивает саблями кривыми,

В немую даль ворваться норовит,

Летит в пыли,

в полынном сизом дыме, —

И степь тогда от ужаса дрожит.

О путник, берегись!

С таким порывом

Не совладать.

Недолог, к счастью, он:

Вождь уведет орду своим призывом —
И снова безмятежен небосклон.

Сияет солнце, степь в ладу со всеми,
След урагана вдалеке пропал.

Тишь, благодать.

Как раз в такое время

Я на его могиле побывал.

О мастер языка!

Тот, кто дерзает

Писать стихи, — кто, может, одарен,
Но слова до конца не постигает —
Навеки дара речи им лишен.

* * *

Дней нынешних великие свершенья
Пришлось нам всем воочью наблюдать.
И начинается наше поколенья
Свой голос понемногу обретать.

И двух эпох —

двух рек быстротекущих —

Хребтом я связь впервые ощутил.
Подумал я о людях, счастья ждущих,
О том, что нам на все достанет сил.

И если наш поэт в былые годы
Подобно валу Адала кипел —
Он душу миллионного народа
Горячим словом глубоко задел.

Да, он задел —
 чтоб трезво оглянулись
По сторонам,
 чтоб веру обрели
В грядущее,
 чтоб к свету потянулись,
Чтоб честь свою всегда сберечь могли.

Предтеча Революции — он с нами.
С его «билета волчьего» —
 смотри —

Стекает кровь —
 и вспыхивает пламя,
Чтоб имя стало символом зари.

Он пробудился вовремя —
 в ту пору,
Когда слова сильны, как никогда.
Он сохранил живым язык, который
Так нужен Революции всегда.

1934

КОНСТАНТИНУ ИВАНОВУ

1

Вновь ковыль в Башкирии цветет.
Млеком терпким тяжелы кобылы.
Пусть кумыс бурлящий придает
Матери его безмерной силы!
Древний род с надеждой сына ждет:
Уж не он ли скал разрубит жилы
Заклинаньем, жизнь обретшим вновь,
Сталь разрушит, остановит кровь?

Лист сухой не он ли оживит,
Приручит диковинную птицу,
Словно волхв, змею заговорит,
Скорбь земли в одну вместит слезницу¹
И в алмаз ее преобразит,
Что никем уже не раздробится?
Четверть века не ему ль дышать,
Чтоб звездой бессмертной воссиять?

2

Ты — первая любовь моя.
Призыв твой слышу с колыбели:
— Деянья — мера бытия.
Погибни, но дойди до цели!

¹ Слезница — слезная просьба.

Ты — дружбы ковш: его возьмешь —
И выпьешь, искренен и светел,
До дна — и радостно поймешь,
Что жизнь и праведность приветил.

Ты — зеркало души моей:
Не мучь себя желаньем славы,
Сберечь огонь в душе сумей —
Слова даны не для забавы.

Смогу ли роду своему
Открыть все то, чем сердце дышит?
Испытан грозами, возьму
Кэсле — тогда и песнь услышат.

А если музыка, как весть,
Ко мне еще не долетела,
Восславлю дружескую песнь:
Благодаренью нет предела.

3

Ты, взяв лишь каплю, море дал народу,
Взяв зернышко одно — вернул копну.
Твой голос возрастает год от года,
Заполнив всю великую страну.

Твой род, в себя впитав твое бессмертье,
Другим народам вправе говорить:
Вот зрение и слух мои — поверьте,
Они так много могут вам открыть.
Кляните рабство и жестокосердые,
Сумейте благо в мире полюбить.

1950

СЕСПЕЛЬ МИШШИ² В КРЫМУ

Его не забыть мне!..

Бессонница. Море ночное
Шумит и шумит, как и встарь,
в изголовье моем.
Вселенная — рядом.

Кружатся миры надо мною.
Лишь где-то погасла звезда —
вдалеке, за окном...

Под этим вот небом,
вдоль пляжа песчаного, ночью
Бродил он не так уж давно,
одинокий, больной.

«Близка она, смерть.
Что же, с нею увижусь воочью.
Пускай забавляется,
в прятки играя со мной.

Где, как я умру?
Да не все ли равно! Что за сроки!
В разъединенных легких
соленая влага хрипит.

Тебе, клевета,
не по нраву, конечно, упреки,

¹ Сёспель Мишши — Михаил Сеспель (1899—1922) — выдающийся чувашский поэт-революционер.

Но трусость — с тобою,
а истина все еще спит.

Пускай я истерзан,
гонимый жестокой судьбою,
Но Адалом милым
клянусь я, далекий мой край:
Коль есть и взаправду
вина у меня пред тобою,
То — боль о тебе.
И виниться ты мне не давай.

Страна, ты окрепнешь —
и сразу придет пониманье:
С тобою, любимая,
в мире мы жили всегда.
И сердце, которому
слишком знакомо страданье,
Твой образ хранило,
прожегший его как звезда.

Я звал, призывал.
Видно, всем не до отклика было.
Мой гибнущий Адал
от боли великой стонал.
Но в хилое тело
ты гордое пламя вложила,
Чтоб к солнцу грядущего
рваться упрямо я стал.

Страна моя! Ты
сквозь дорожную пыль различима.
За гранью веков
открывался мне дивный твой свет.
Прости же ты сына:
страданье мое несравнимо

С терпеньем твоим
за минувшую тысячу лет.

В полынных степях Украины
была ты со мною,
Стояли мы вместе
пред грозной стихией морской.
И видели оба мы
долю народа — иною,
Чувашии мощь
прозревали в дали штормовой.

За веру мою в твое завтра,
Отчизна родная,
За то, что я душу
жар-птицею сказочной сжег,
За то, что я бредил тобой,
обо всем забывая,—
Не славы хочу —
без нее обойтись бы я смог.

О, если бы знала ты,
скольких мучений мне стоит
Сознание, что я
не увижу тебя никогда.
Не мягкие травы в лугах
мои кости укроют,
Не Адал вздохнет у могилы,—
вот это беда.

Но где б ни пришлось мне
лежать от тебя в отдаленье,
Надежду мне дай
что призыв мой не сгинет во мгле,
Дай веру, что голос мой —
эхо огня и моления —

Поддержат поэты,
явившись на нашей земле.

Был молод и крепок я.
Было душе утешенье,
И радость была,
чтобы петь мне под солнцем, любя.
О Родина, слышишь?
Ты — счастье мое и мученье.
Пускай я уйду —
но кому завещать мне тебя?

Мы так одиноки, язык мой,
с твоею красою.
Далекая родина,
в думах со мной говори...
Стань, капля последняя крови,
живую росую,
В цветке возрожденья народного
вечно гори!..»

.....

Я штору отдернул.
Заря за окном заалела —
И Сеспель Мишши,
монолог не продолжив, исчез.
Я понял: сегодня
душа откровенья хотела.
Вернется ли вновь он?
Я верю в возможность чудес.
В огне — голова.
И, наверно, круги под глазами.
Не мысли — обрывки,
как будто бы строки вчерне.

Валюсь на кровать,
отзвучавшими полон словами.
И мир замыкается.
Сон не приходит ко мне.

1936. Евпатория.

В НЕБЕСАХ- МОЯ ЗВЕЗДА!

Звезды падают ночами.
Осень. Скоро холода.
Что таится за словами:
В небесах — моя звезда?

Это с детства наблюдали.
Кто же первым и когда
Произнес, чтоб люди знали:
В небесах — моя звезда?

Путешественник? Иль воин
Там, где смерть несла беда,
Вдруг уверовал, спокоен:
В небесах — моя звезда!

Кто надежды суть святую
К нам принес через года,
Всех поэтами зову я:
В небесах — моя звезда!

Сердце, светлое в мечтанье,
Жизнь любя, как никогда,
Знать, сказало на прощанье:
В небесах — моя звезда!

Мир — аршином не измерить.
Мой народ — со мной всегда,
Не могу ему не верить:
В небесах — моя звезда!

1945

На Волге, ветру приоткрытой,—
Барашков белых чехарда.
Ветла красавицей забытой
Ломает руки, молода.
Кого увидела она
На пойме, где трава сочна?

Небось тоскует и вздыхает
По вязу... Тот ни перед кем
Главы кудрявой не склоняет,
А к небу рвется сердцем всем.
Что видит он, кому внимает,
Чего он ждет?— И сам не знает.

1945

ПЕСНИ,
НЕ ПОЛОЖЕННЫЕ
НА МУЗЫКУ

* * *

К Чебоксарам я плыл. Волга — словно любовь.
Я глядел и глядел на прозрачные волны.
И тебя, синеокая, вспомнил я вновь —
И душа встрепенулась, как птица, невольно.

Как судьба нас бросала в становища тьмы,
Словно волжские гребни, крутила, качала!..
Разбрелись — и опять собираемся мы
И с надеждою ждем дорогого причала.

Мысль летит через Волгу. В родимом краю
Я бы вырастил крылья — чего не бывает! —
С кем же сяду сегодня и с кем я спою?
Как и встарь, мое сердце любовью пылает.

1945

Ну что в глазах моих открыл
Твой взгляд с усталою слезою?
Что скрыл я, недоговорил?
Поверь, я чист душою.
Я тот же, кем и прежде был,
Я твой, всегда с тобою.

Вдыхаешь ты... Мне жизнь дарил
Твой лик, видение святое!
Иль в горе был и свет немил?
Пойми, нас в мире — двое!
Я тот же, кем и прежде был,
Я твой, всегда с тобою.

1945

В Чебоксарах есть одна ветла
С кроною, что каждой ветвью пела.
Ночь неизъяснимою была,
Рядышком любимая сидела.

Ночь и звезды... Здесь, в груди, они,
Пусть порой их редко вспоминаю.
Молодость ушедшую храни,
О ветла, ровесница седая!

Ах, как были ночи коротки!
Так их жизнь всегда переполняла!
Что же нынче так они горьки,
Так длинны? И что в них отзвучало?

А ветла, поникнув головой,
Все стоит — по счастью, уцелела.
Полночью, от горя чуть живой,
К ней пришел я — слишком наболело.

Кроною встряхнувшая густой,
Пригласила: «Сядь же, друг старинный!»
Сел под ней. Но рядышком со мной —
Никого... Так страшно и пустынно!

1945

Посмотри, как прекрасен наш Адал, родная!
Распахни же окно, распахни поскорей —
Пусть моих песнопений лавина сплошная
На мгновенье нахлынет, — ты примешь гостей...
Распахни же окно поскорей!

Ты послушай, как воды сейчас величавы:
Ни волны на просторе, теплынь как вино.
О, когда же душа успокоится, право?
Без тебя успокоиться ей не дано,
Успокоиться ей не дано.

Над рекою луна две косы распускает,
Тела юной купальщицы тает атлас, —
И в душе моей светлая грусть возрастает:
Быть бы рядом с тобою — всегда, как сейчас,
Быть бы рядом, всегда, как сейчас.

Вся природа дарует нам благословенье.
Распахни же окно, распахни поскорей.
Оставляю на память тебе песнопенья —
Лишь тебе, для любви и для жизни твоей...
Распахни же окно поскорей!

1946

Вновь из волжской волны появилась луна,
Словно выгнутый парус — туманное чудо.
Наша встреча — вдали, ты осталась одна,
Этот парус не скоро, наверно, забуду.

Будь здорова, скромна, — так велось искони,
Белоснежным платком на прощанье взмахни!

Приподнявшись, успела волна раскачать
Мой челнок — пусть он мал, но надежнее нету.
О родная, глаза не спеши вытирать,
Не за смертью ведь еду — ты вспомни обеты.

Будь здорова, скромна, — так велось искони,
Белоснежным платком на прощанье взмахни!

Там, в Заволжье — луга. Травы лягут у ног,
Озерца на припеке начнут улыбаться.
Будет доверху славный нагружен челнок,
Если вправду меня ты сумеешь дожидаться...

Будь здорова, скромна, — так велось искони,
Белоснежным платком на прощанье взмахни!

1946

Ах, эти сени! — Полог длинный,
Чтоб мухам нас не донимать,
Подушек горы, пух перины —
К чему такая благодать?

Ведь все равно придется снова
И волноваться, и хандрить —
Со мной не молвила и слова
Та, с кем хотел поговорить.

Мучительница, я прощаю.
Выходит, счастье таково.
Я вверх по Волге уплываю
Искать иное волшебство.

Но позабуду ль недотрогу?..
За эти взоры — боль мою,
За эту сладкую тревогу
Благодарю и воспою.

1950

祭 祭 祭

Чебоксарские липы в дремотном цвету,
Вдоль по улицам запах гуляет хмельной.
Мне бы встретить тебя — перейти за черту,
Роковую черту меж тобою и мной.

Если черные брови капризно взметнешь,
Скажешь: «Нет нам покоя в саду городском», —
То, быть может, в Заволжье со мной поплывешь?
Вот он, берег знакомый с моим челноком!

В час, когда вдохновенно поют соловьи,
Их напевы как свет над водой разлиты.
Если станут пронзительней песни мои,
Соловьиный мой голос услышишь ли ты?

Чебоксарские липы... Со звоном в крови
Их медвяный угар жаждет родина пить.
Если сердце пылает, желая любви;
То какую воду его окропить?

1951

Вьются ласточки в ясной лазури.
Настежь — окна! Влетает одна.
И в печали уж брови не хмурю —
Знать, надежда судьбою дана.

Ах, пичуга с повадкой девичьей,
Ты из детства вернулась сюда!
Что же делать мне с песенкой птичьей?
Не умолкнет она никогда.

Покружилась — и вот улетела
Мимолетным намеком чудес.
Как трепещет крылатое тело
Под шатром безмятежных небес!

И душа моя словно очнулась,
Высоко над землей поднялась,
Вслед за ласточкой в небо рванулась —
Эта песня с нее началась.

1952

祭 祭 祭

Мятежной памятью хранимый,
Живет в сознание образ твой.
Так берегут цветок любимый,
В кувшине вспыхнувший звездой.

Пока кувшин не разобьется,
Лучей звезды не угасить.
А разобьется... Кто возьмется
Очарование продлить?

1957

РОДНОЙ ЯЗЫК

Рожденный на земле, я на земле живу
В век смертоносных войн,
в век братства и свободы.

Но языков родство увижу ль наяву?
Друг друга понимать
давно должны народы.

Кто произнес слова —
поэт, философ, вождь?
Пускай они меня пронзают красотой,
Пусть обретут черты —
как солнце, снег иль дождь,
Пусть души озарят денницей золотою.

И все же — что меня сумело так сдружить
Вот с этою землей?
Что с самого начала
Загадки неба мне сумело объяснить?
О, мой родной язык —
волшебное зеркало!

Где б ни бывал, всегда я время нахожу
Его благодарить:
дарован ты судьбою,

Язык мой! Я с тобой от мира ключ держу.
Ты мыслить научил меня.

Я жив — тобою.

1951

МОЕМУ НАРОДУ

Народ, язык наш сохранивший!
Вновь думы — о сынах твоих.
И в песне, сердце озарившей,
Найду ль слова во славу их?

Восток с Лейлою и Меджнуном,
Ромео и Джульетта... Свет,
Прошедший по душевным струнам.
В тебе ль, народ, подобных нет?

В огне Нарспи, в огне Сетнера
Любви величье мир открыл.
Душа народа — не химера,
Не занимать ей светлых крыл.

И, наблюдая за тобою,
«Он с виду кроток, — говорят, —
Но, как никто, богат душою!» —
И счастье в будущем сулят.

К просторам Адала ты вышел
Из тьмы времен, сквозь рокот гроз,
Как будто некий зов услышал, —
И в землю эту крепко врос.

Корчюя лес и срубы ставя,
Без дела не прожив и дня,

Гордиться прошлым был ты вправе,
Свой добрый нрав и честь храня.

«Чуваш, свое порочить имя
Не смей!» —

О сердца чистота!
Земля с заветами такими
Благословенна и свята.

Земля, чье сердце закалиться
Сумело в пламени былом!
Как пред тобою не склониться?
Мы суть Отчизны сознаем.

1955

ПАМЯТИ ВАСЬЛЕЯ МИТТЫ¹

Покуда жив язык родной, — поэта имя
Не смогут разлюбить горячие сердца.

Сеспель Мишши

...Еще не смолкли музыки раскаты.
Иду за гробом.

Тягостно молчать.

О сердце, ты кручиною объято:
Как это страшно —

друга потерять!

И жаворонок слышен мне незримый
Вверху,

в голубовато-сизой мгле:

Поет, поет —

о счастье? о любимой? —

И славит все живое на земле.

Обнявшиеся, мы совсем недавно

Снимались вместе.

Ветер озорной

Тебе взъерошил волосы забавно,

И ты остался в памяти — такой.

¹Митта Васyleй (1908—1957) — известный чувашский поэт.

ТАНГО

Аллея роз,
Аллея роз,
Щемящий свет давнишних грез...
Толпа счастливцев молодых.
Мне не вкусить от счастья их.

У счастья был жестокий нрав —
Оно как мир в меня вошло
И, сердце чуть не разорвав,
В нем уместиться не могло.

Я не рыдаю о судьбе,
Зачем на прошлое роптать?
Того, что видел я, тебе
Да не придется испытать.

Аллея роз,
Аллея роз,
Томящий след минувших гроз...
Счастливцев сонм бредет, маня,
Но счастье их — не для меня.

Жемчужный дождик, слезы лей,
Все небо выплакать спеши.
О, не вини и не жалея
Людской истерзанной души!

Лей, дождик, лей. Пей влагу, сад.
Морщинься бархатом, трава.
Пускай, как свеч горящих ряд,
Встают над жизнью дерева.

Аллея роз,
Аллея роз,
Пьянящий цвет поющих лоз...
И я несчастлив ли?— Бог весть!—
Хоть у кого-то счастье есть...

1956. Бухарест

Как мягок мох! Бесшумен шаг.
Дождь стих. Ни шороха почти.
Глубок мой вдох. Высок сосняк.
Вот так идти бы да идти!

Медовый воздух все бы пить,
Всю жизнь — ах, сладкое питье!..
Как эту землю не любить,
Коль сила духа — от нее!

И если мысль, сквозь высь лучась,
Парит иль кру́жит надо мной,
Я вспоминаю всякий раз:
Она — с поверхности земной.

О человек, не смей упасть,
Неудержимо в небо рвись!
Коль обретешь над миром власть,
Земле родимой поклонись.

8. VIII. 58

祭 祭 祭

Стучись же, дятел, прямо в грудь!
Испуг в душе не утаишь —
Солдат хотел бы отдохнуть,
Но веры нет в лесную тишь.
Стучись же, дятел, прямо в грудь!

Испуг в душе не утаишь —
Несчастья на сердце легли.
Ты, время, резко говоришь
Затем, чтоб помнить мы могли...
Испуг в душе не утаишь.

Солдат хотел бы отдохнуть,
Но вновь — подъем, опять — приказ,
И вот хранишь — не смей уснуть! —
Ночную глушь, дремотный час...
Солдат хотел бы отдохнуть.

Но веры нет в лесную тишь —
Ну кто там голос подает?
Не ты ли, дерево, дрожишь,
Когда гроза сюда идет?
Но веры нет в лесную тишь.

Стучись же, дятел, прямо в грудь!
На свете белом будь собой.
Пора ли собираться в путь?
Мгновенен сердца перебой...
Стучись же, дятел, прямо в грудь!

8. VIII. 58

Сосновый лес притих. Войди в него, поэт.
Здесь всё — твоя родня. Здесь все тобой любимо —
И этот золотой, закатный солнца свет,
И древних сосен строй, что мудростью хранимы.
И в сердце бьется крик в плену ненастных лет:
Мир — жив!.. И уходить мне жаль невыразимо!

8. VIII. 58

祭 祭 祭

Вот кувшинка свечою зажженной пылает,
В тихой зелени вод отражаясь, плывет.
Кто ее поутру второпях зажигает?
Издалика приходит иль рядом живет?

Лес привык отражаться
в заливе прохладном,
Многоярусный, пряный,
от солнца сквозной:

Ивы,
дальше — дубы в облачении ратном,
Ну а выше — сосна за сосной.

И невольно лепечешь наивное слово:
«Хорошо!» —

И природы живая краса
Отразиться в глазах человека готова
И в грядущем иные сулить чудеса.

9. VIII. 58

Сосна посреди поляны —
Под небом как перст одна.
Завижу ее — и странно
Изменится вдруг она.

То приступ гордыни краткий
Затронет струну ствола —
И вздрогнет, вздохнув украдкой,
А то, как дитя, мила.

И так в тишине струится
Воздушных ветвей туман,
Что ветер обнять решится
Высокий и гибкий стан.

Упрямиться, рваться станет,
Согнется, — ну кто бы спас?
В отчаянье руки тянет —
А помощи нет от нас.

И старые сосны слышат
Стенанья сестры — но все ж
Лишь кроны, грустя, колышут
Под небом, где чуда ждешь.

10. VIII. 58

О сердце, что с тобой стряслось?
Быть может, оба мы устали?
Ты к свету горнему рвалось,
Бредя сквозь сумрачные дали.

И в этой тяге столько раз
Случалось с нечистью сразиться!
Смотри, как медленно сейчас
Влачится наша колесница.

О сердце, сердце, ты — кремни!
С каким неистовством порыва
В тебя врезалось каждый день
Юдоли тяжкое огниво!

Взойдя подобием звезды,
Людей храня и согревая,
Не распознано ты беды —
И вот забилося, прозревая.

Пусть в землю пламенем уйдешь,
Но если там, сквозь глубь ночную,
Хотя бы искрою сверкнешь —
Ни в чем тебя не упрекну я!

23. XI. 59

Боткинская больница. Москва

ЗЕМЛЯ

Умирает в далекой Москве
Сын Яккú, седовласый Йывán¹.
Он в народной прославлен молве,
Всем он близок, повсюду он зван.

Неужели он стал для людей
Днем прошедшим, угасшей звездой?
Голова его — снега белей,
Силы схлынули талой водой.

Он успел совершить волшебство —
Стольких выучить смог чувашей!
Немудренное имя его
Всех богатств для народа ценней.

Кто по-русски ни слова не знал,
Кто премудрость письма не постиг,
Тот Йывана по-своему звал:
Был он — кошкинский просто для них.

Сын Якку, знаменитый Йыван
Умирает от Кошек² вдали.

¹ Иван Яковлевич Яковлев, см. сноску на стр. 152.

² Кошки-Новотимбаево (Буинский уезд Симбирской губернии) — родина И. Я. Яковлева.

Есть с собой у него талисман:
В малом йёнчеке¹ — горстка земли.

Нет дорожке земли для него,
Расставаться он с ней не хотел —
И сейчас в изголовье его
Этот йенчек расшитый висел.

Коль с землею, родною до слез,
Весь свой век ощущал он родство,
Та земля, на которой он рос,
После смерти укроет его...

На чужбине пришлось умирать.
И в растущей вокруг тишине
С губ, как в детстве, слетает опять
Незабвенное слово: анне².

Будто русскую речь позабыл,
Это слово с трудом он твердит,
А потом, совершенно без сил,
Неподвижно и тихо лежит.

Мать не видел Йыван никогда,
Это слово не мог говорить.
Чью же нежную душу тогда
В ясном слове сумел сохранить?

Так хотелось при жизни ему
Слово «мама» промолвить хоть раз!
Как листок, улетающий во тьму,
С веткой помнил он кровную связь.

¹ Йенчек (*чув.*) — шелковый мешочек наподобие кисета.

² Анне (*чув.*) — мама.

Он намного спокойнее стал.
Речь пропала. Он молча вздохнул.
Время шло. Он еще полежал —
И рукою слегка шевельнул.

Длинным пальцем он вверх указал,
Словно в мыслях отходную пел.
Свет прощальный в глазах трепетал —
Он на шелковый йенчек смотрел.

Драгоценный мешочек с землей
Положили Йывану на грудь.
Спи, родной! Век закончился твой.
Ты уходишь в последний свой путь.

Перед ним в отдаленье прошло
Все, чем жил он в родной стороне...
Головой наклонясь тяжело,
Он забылся, как будто во сне.

И морщины исчезли с чела,
И наполнились небом глаза,
И блеснула, чиста и светла,
Негасимую искрой слеза.

1963

ПИСЬМО

Нет, я не успокоюсь никогда —
Я сердцем чую тайны естества.
Пусть голова давно моя седа,
Но песня неизменная — жива.

И новый день опять к себе манит,
Воображеньем вдруг преображен.
Приметы мира взор мой сохранит,
Звучаньем мира слух мой напоен.

Тропы изгиб, где я в пространство рвусь,
Прибрежный вал, смолистый дух сосны —
Неужто я без них не обойдусь?
О нет. Они как воздух мне нужны.

Прости меня. Скиталец записной,
Познал я грусть, но счастлив был вдвойне.
Бывало тяжело тебе со мной,
С самим собой — еще труднее мне!

1963

В ЛЕСУ

После ночи — обилие рос,
Ягод августа отсвет лиловый.
Лист кленовый доводит до слез —
Горьковатый, прозрачно-медовый.

Гомон птиц отозвался в груди,
Накричаться кукушка успела.
Не страшусь ничего впереди —
Лишь бы к тайне душа тяготела.

Лишь бы эту сберечь тишину,
Что такую ценою досталась!..
Что ж, присяду на пне. Отдохну.
С плеч непросто мне сбросить усталость.

Отдохну. Погляжу в высоту.
Чья вина, что страдал я так много?
Все забуду — обман, клевету...
Слишком тяжкая ноша, ей-богу!

1964

ЧУВАШИЯ, МОЯ ЗЕМЛИЦА!

Чувашия, моя земляца!
В каком бы ни был я краю,
Ты в мыслях — вешняя денница,
И петь тебя не устаю.

Тепло Кавказа и Тавриды,
Краса полуденных земель
Зимою, долгой до обиды,
Душе навеют сладкий хмель.

И, тягой к странствиям томимый,
Я стал острее понимать:
Ты — колыбель и дом родимый,
Моя любимая и мать.

Чувашия, моя земляца!
Язык стрижиный твой — со мной,
В нем слово это сохранится,
Я — тень твоя в тиши ночной.

И высь — ясна, и песнь — крылата,
И в сердце — столько доброты!
В твое бессмертье верю свято,
И жизнь мою продолжишь — ты.

И вот, в Европе ли бываю,
За океан ли я лечу —
Твой образ всюду вспоминаю,
Твой властный зов понять хочу.

Дымок, курящийся над ласью¹,
Иль прелесть девичьей тухьей².
Земля моя, какое счастье —
Приметы древние твои!

Твои заветы я, родная,
Стремлюсь другим передавать.
Мое с тобою имя, знаю,
Слилось — вовек не разорвать!

1965

¹ Лась (чув.) — летняя кухня во дворе.

² Тухья (чув.) — старинный головной девичий убор в виде шлема с острой верхушкой, украшенный монетами и бусами.

ИЗ ЦИКЛА
«КАВКАЗСКИЕ
СТИХИ»

В ГРУЗИИ

Кавказ был для поэтов столь чудесен,
Что звал к себе в любые времена.
И я, суму развязывая песен,
Родные называю имена.

Совсем недавно в этот край прекрасный
Задумчивый Есенин приезжал.

А после —

Маяковский громогласный
Ему внимавший Терек взволновал.

Вот я здесь нынче.

Зрение — отменно,
Слух обострен, мысль вспыхнула огнем.
Язык — иной,

но сердцем, несомненно,
Друг друга мы на этот раз пойдем.

Спасибо вам, грузинские поэты!
Одна мечта объединяет нас.
Вот карта пятилетки.

Время это
Нам всем, друзья, так дорого сейчас.
Почетный тамада, зажги на карте,
Подобно звездам, лампы.

Я хочу

Представить дни в их гуле и азарте,
С трудом, который всем нам по плечу.

Любимый друг мой, славный Машашвили!
Дай руку мне, глубокий рог возьми.
Одна борьба и вера нас сдружили,
Одна сегодня правда меж людьми.

Проходит революция странюю,
Народы счастье, радость обретут.
И мой сарнай с грузинскою зурною
Об этом весть по свету разнесут.

Как здесь тепло!

Над буйною Курюю
Есть и мои следы.

Друг, приезжай,—
Я родину свою тебе открою.
Прохладней там — но там для сердца рай.

Приедешь — в лодке поплывем с тобою,
Пройдем над Волгой берегом крутым.
Слились в моем сознании, не скрою,
Кавказа имя с именем твоим.

1930. Тбилиси

НАД КУРОЙ

«Попьешь из Куры — породнимся с тобой!» —
Так друг мой грузин

мне недавно писал.

Боржоми — полезней

(прости, дорогой!),

Но час Куру воспевать настал.

Ночь, полная тайн,

над Кавказом встает

В мерцании звезд и звериных зрачков.

И лысый месяц-паяц бредет

На арену свою

из-за дальних хребтов.

Откуда гул — непрерывный, сплошной?

Часов ли бой?

Сердца ль громкий стук?

Средь бела дня и порой ночной

Гул о себе нам напомнит вдруг.

Не вода ль, человеком покорена,

Турбины вращая, сейчас не спит?

ЗАГЭСа энергия,

как струна,

В груди у древней Куры гудит.

Какой поэт о Куре не писал?
И мне с каждым годом
она все родней.

А нынче, признаться,
реки не узнал —
В работе, как тысячи сильных коней.

Тбилиси, чьи стены седы и стары,
И тихий аул в кизячных дымках
Иную красу ощущают Куры,
Иным видят счастье
в грядущих веках.

Страна молодая, твоим сынам
Открыта даль небывалой весны.
ЗАГЭС — лишь точка.
Таких бы нам
Побольше построить, —
очень нужны.

Масштабов наших размах — широк,
Эпоха не только мечтой сильна.
Природа — с нами.
И, дайте срок,
Воспрянет в славном труде она.

Кура старается.
На берегу
Колышутся отсветы фонарей.
И я неустанно глядеть могу
На волны в пятнах синих теней.

Былые промахи вспомнил я,
Пелену сомнений
с души сорвал —

И с верой в людей,
в торжество бытия,
Горд рвением к труду,
над Курою встал.

1932—1933

СУХУМИ

Турецкое имя — вода и песок.
Признаться, оно — не для этого края.
Назвали бы — садом.
Здесь Юг и Восток
Смешались, преданьями явь заполняя.

Белеют дома, а деревья — темны,
И лампа ночная горит своевольно,
Соперница в небе плывущей луны,—
Лишь море поодаль
ворчит недовольно.

Лишь море —
знать, дума его глубока —
Вздыхает печально, шумит бесконечно,
Как будто бы шепчет,
что жизнь — нелегка,
По ней никогда не пройти мне беспечно.

Все чаще —
причины особой и нет —
На берег пустынный иду я ночами,
Ищу в отрешенье
недавний свой след,
Бродяга поэт, утомленный стихами.

Как тот, кто от смерти уже недалек,
Я сердцу свободу дарую порою:
Ни радость, ни грусть

не примут этих строк,

Я страсти изведаль — и так одинок,
Я как Мефистофель с улыбкой скупой.

Я пьян без вина, и без славы я горд,
Иду по аллеям меж пряных магнолий.
Довольно стихов!

Я в решении тверд.

Прожить бы еще мне лет сорок, не боле...

Но вдруг рыбаки обратились ко мне:
«Случается, с лодки мы ясною ночью
Развалины города

видим на дне.

Вы это хотите увидеть воочию?»

И вот Диоскурия

там, под водой,

В дремотной своей красоте возникает.
Не ведаю — волны ль шумят предо мной
Иль стены встают?

Так во сне лишь бывает.

Исчезнувший город, таинственный клад,
Бессмертье мечты означает всегдашней.
Слух чуток отменно,

и зорек мой взгляд —

Порву навсегда я с хандрою вчерашней!

Есть силы в запасе,

нет в сердце обид.

Я трезвости нужной отнюдь не скрываю.

Эпоха в грядущее бег свой стремится,
С корнями беспечность мою вырывая...

Волнуйся же, море!

Свой берег залей,
Затапливай сотни других Диоскурий!
Я — с книгою жизни,
с судьбою своей,—
Ее не затопят приливы и бури,
И слово меня сбережет для людей.

Волнуйся же, море!

Бунтарь, восставай!
Прокладывай борозду зыбкою ранью.
Быть вместе с людьми ты меня призывай,
Показывай недруга на расстоянье.

Волнуйся же, море!

Не черное ты,
Ты нынче синее матросской фланели.
На юге —
лишь парус да свет с высоты,
Смотрю на восток —
облака заалели...

Столкнулись два цвета —

какой победит?
У пены — кипеть пропадает желанье.
Цвет красный все гуще над миром горит
И полчища волн обагрить норовит,—
К ним солнце взывает сегодня:

«К восстанью!»

О тебе в этот час вспоминаю.
Голос милый твой в сердце звенит.
Вновь Кура, после ливня вскипая,
Плещет в берег, что дымкою скрыт.
Как нужна ты мне нынче, родная!

Солнца жар позабуду не скоро,
Но любовь горячее в груди.
И язык Руставели, и горы
Остаются, увы, позади.
Солнце Грузии в летнюю пору!..

О красавицы Грузии! С вами
Только солнечный свет и сравним...
Где очей твоих нежное пламя?
Ночь встает между мною и им.
Я заветными полон словами.

Мне пора. Кетеван, до свиданья!
Как и я, ты в дороге сейчас.
Коль не свидимся — песнь расставанья
Станет тайной, открытой для нас...
Мне пора, Кетеван. До свиданья!

1930

И вдруг так ясно увидал я:
Пути, сомнения, мечты,
Заря кавказская... Такой
Нигде в скитаньях не встречал я.
И — близость гор. И рядом — ты:
В глазах — призыв. Я сам не свой...
Баку — Тбилиси. Километры,
Где затерялся Караяз,
Где пыль на солнце запекалась,
Где мы сошли с тобой... О, ветры,
Шершавость глины, трещин вязь! —
Все просится в стихи сейчас.
Ты — агроном. Твой конь — из песен,
Хоть имя Пупс смешит меня.
Так оседлай же! Я — другого.
«Взгляни, любимый, он — чудесен!» —
Сказав, тyani, полна огня,
Мне стебель хлопка, — снова, снова...
Потом — клетушка-комнатушка.
Шамхор, шашлык. Беседы нить.
«Да, пятилетка!..» Глаз, плечо.
Примятый войлок и подушка...
«Мы будем всё богаче жить!» —
Ах, убеждай меня еще.

1934

Поверь, еще к тебе я возвращусь.
Коль не найдешь в стихах свой образ ясный,
Не упрекай меня, впадая в грусть:
Мой мир — широк, и это — мир прекрасный.
Поверь, еще к тебе я возвращусь.

Я не скажу, что ранить столь грешно,
Мгновенья ради, сердце человечье.
И вовсе не мгновение одно —
Любовь. И вот стремлюсь тебе навстречу
В стихах моих — так, видно, суждено.

Где ты сейчас? Как прежде, весела
Иль горечь одиночества познала?
Куда б судьба меня ни увела,
Поэзия куда б ни призывала,
Вернусь к тебе. Будь и вдали светла.

Пойми: эпоха голос мне дала.
Коль от нее услышу порицанья,
Не забудь: ты часть души взяла
И строк моих сдержала ты дыханье...
Но я вернусь. Лишь только б ты ждала.

1934

Немало я успел перевидать:
В горах гремела снежная лавина,
Шел ураган...

О нет, не передать!
Но я и время были — воедино.

Но вновь сегодня я в горах гощу,
О близком друге

жду хоть малой вести,
Душой горя, мучительно ищу
След прошлых лет,
с ним пережитых вместе.

МАН КИЛЕС¹

Пусть я северней много родился —
Южной крови моей не унять.
На Кавказ я сейчас возвратился —
Кто мне скажет, приеду ль опять?

Не в последний ли раз? — я гадаю.
Если нет — благодарен судьбе.
Кликнут в путь —
я всегда уезжаю,
В тяге к странствиям верен себе.

То-то сказка народа любого
Изумляет наитьем былым.
Есть в ней свой аргамак —
право слово,
Конь мечтанья повсюду любим.

Конь дарует надежду, — заране
В сердце чуем мы пламени жар.
У грузин конь зовется —
Мерани,
У казахов зовется —
Тулпар.

¹ М а н К и л ё с (чув.) — я пришел.

ХЛЕБ, СЫР И ВИНО

Разве это не край винограда?
Здесь недаром известно давно,
Для ума и для сердца отрада,
Выраженье
«хлеб, сыр и вино».

«Пури, квели...—
и я повторяю,—
Да хвино».
О грузинский язык!
Настроение — лучше не знаю.
Что со временем — век или миг?

Виноградарь свой тост начинает,
Вторят пахарь ему с пастухом,—
Словно солнце с утра прославляют,
Светоч дней восхваляют втроем.

Благодарностью щедрой природе,
Что издревле с людьми заодно,
Величаво и гордо, как в оде,
Раздается:
«Хлеб, сыр и вино!»

Сок процежен вот здесь, на приволье,—
Виноградный нектар золотой.

Приумножилось наше застолье —
Славный пир во главе с тамадой.

Облака над вершинами плыли —
И стихи с добротой хмельной,
Как вино молодое, бродили.
Так давно это было со мной!..

Потому-то в груди и пылает
Пламя юга...

Навстречу спеша,
Север вьюгой года замечает, —
С ним сдружиться не может душа...

ЧЕРНОЕ МОРЕ, СТИХИЯ РОДНАЯ...

Черное море, стихия родная,
Что ж ты меня отовсюду манишь?
Сердце поэта всегда вдохновляя,
Чары свои и доныне хранишь.

Песня дружила с твоею волною,
Песня тогда кареглазой была,
В тувельках белых вечерней порою
Вместе со мною вдоль берега шла.

Все для меня открывалось впервые:
Пена прибоя и гребни валов,
В темную бездну шаги роковые,
Робкие взгляды — предвестие слов.

Волны совсем о затишье забыли,
Грудью столкнулись, упали в провал.
Словно мелодию Палиашвили,
Рокот подспудный я вдруг услышал.

Жизнь пробежала бродяжьей волною,
Время уж берег и мне отыскать.
Сердце, как прежде, не знает покоя —
Как ему скажешь: «Пора отдохнуть»?

Ровных дорог, словно встарь, избегая,
Так и живу я — судьбы не кляня...
Черное море, стихия родная,
Что ж ты зовешь отовсюду меня?

У МТАЦМИНДЫ

Роза алая — в полном бокале,
И на влажных ее лепестках —
Золотая роса цинандали,
Словно свет, отраженный в зрачках.

Чуть пригубив вина, — неужели
Этот миг не исчезнет в веках? —
Мы друг другу в глаза поглядели,
И качнулись бокалы в руках.

Так вот, с первой же встречи с тобою,
Взгляд твой сразу о стольком сказал,
Что услышал я сердце другое, —
Я доселе такого не знал.

Были песни друзей вдохновенны.
Под зурну я подумал: как быть?
Свой у каждого путь — неизменно
Срок приходит долги погасить.

Эта радость вокруг, эта роза,
Этих гор поэтический строй
Были — нашими! Не было прозы,
Сладость счастья вилась над землей.

Осушившие первую чашу,
Мы смотрели на жизнь с высоты.
И разгадывал чаянья наши
Город дивный, где выросла ты.

У ЗАМКА ТАМАР

Вновь замок Тамар на скале предо мною —
Старинная башня ружейным стволом
Нацелена вверх, где пятно голубое
Сливается с облачным белым пятном...
Здесь — песни грузинской начало.

Пойми:

Бессмертие ей суждено меж людьми.

И в памяти вспыхнул, смятенье пророча,
Огонь, возвративший мгновенно назад.
В те годы был мир

и наивней, и проще,

Но, как ни крути, —

и сложнее стократ:

Вон там, за горами, чужак обитал
И ужас в людей неизменно вселял...

Узнал я скалу —

и ничуть не робею:

Рюкзак захватив, я охотно пойду,
Как прежде, с ровесницей юной своею,
По тропке, обвившей крутую гряду...
Но Терек, хребты и паренье орлов
Особых сегодня потребуют слов.

Грузинский язык был моим увлечением.
По слуху заучивать был я готов,
Пленный рокоющих звуков течением,
Неведомо сколько прекрасных стихов.
Зачем переводчик,

когда в тишине

Любимая с лаской склонялась ко мне!

О юность!..

Я вышел сейчас из машины,
Чтоб вспомнить минувшие годы мои —
И вдруг голову поник без причины.
Нет, все же причина —

в ушедшей любви...

Ну, полно!

Поедем же дальше, друзья!—
Поверьте, мне здесь оставаться нельзя...

Тоска по языку — святой недуг.
И я опять, от родины далече,
Твой горный край, благословенный юг,
Принес невольно в дар чувашской речи.

Лазурь небес, седых вершин покой,
Уют долины, грозы, камнепады
Вошли в стихи строкою за строкой.
Пусть будет так, — я думал, — так и надо...

Да что Пегас! Ведь у тебя была
Лошадка Кукла — славное создание.
Куда прикажешь ей — туда везла
И обладала даром пониманья.

В одном седле мы ездили подчас
На ней, — она совсем не уставала.
В повозку запряженная, не раз
К плантациям возила нас, бывало.

Срывая хлопка дымчатый цветок,
Его ты вдруг с поэзией сравнила,
Мне преподав живой красоты урок, —
И этот миг душа не позабыла.

Так шли стихи... Ну что за волшебство!
Я все тогда постичь стремился разом —
И первым из народа своего
Я по-чувашки говорил с Кавказом.

И ты, их суть понявшая почти,
Стихам моим задумчиво внимала —
А то, что впрямь нельзя перевести,
В глазах моих без лишних слов читала.

Слышу голос твой — где он?

Донесся — откуда?

В белом платье — и с розою, снега белей,

Ты встаешь предо мной...

Наваждение? Чудо?..

Что ты делаешь, память, с душою моею?..

Милой Грузии дочь,

я тебя не забуду!

ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ

Как печаль мне развеять порою?
Я иду, молчаливый прохожий.
Уж не старость ли чую душою?
Что ж, об этом подумаю тоже...

Я давно эту улицу знаю,
Стали гуще платаны и выше.
Об одном я наивно мечтаю —
Чтобы сердце стучало чуть тише.

Не вернуть мне былое обратно,
Тень минувшего дня не увижу.
Это — город иной, мне понятно.
Тот, что в памяти, — сердцу был ближе.

Где он, домик с балконом узорным,
Облюбованным ласточек стаей?
Здесь дворец взгромоздился просторный,
Средь гранита неонем сверкая.

Время ужина. Люди гурьбою
В рестораны идут, балагура.
В окнах — джаза слышны перебои,
Да поет по-грузински чонгури¹.

¹ Чонгури — грузинский народный музыкальный инструмент.

Всюду — пары. На фоне зеленом
Платья роем снежинок белеют.
Каждый встречный, желая влюбленным
Только счастья, — душой молодеет.

Остроносые туфли мелькают,
Брюки узкие. Нравы — свободней.
И девичья коса отступает
Перед стрижкою самую модной.

Ну и пусть! Я и сам нагулялся.
Молодежь от меня не отстанет.
Моде с радостью я подчинялся —
Можно вспомнить одежду иль танец.

Только сердце бы чистым осталось,
Только правде всегда доверялось,
А когда ощутило бы старость —
Из упрямства бы ей не сдавалось.

Чистотою извечною снова
Пусть сверкает сейчас без печали
Всех влюбленных заветное слово, —
По-грузински скажу — генацвале!

РОГ

Я в гостях у друга:
Чистая душа.
Ходит ковш по кругу,
То есть род ковша.

Больше чары, право,
И вполне глубок
В серебре оправы
Знаменитый рог.

Здесь, где гор отроги —
Над красой земли,
Голубыми роги
Люди нарекли¹.

Грузия! Изведав
Сонм твоих щедрот,
Понял я: поэтов
Любит здесь народ.

Со стихами — полдни,
С песнями — восход.
Здесь ушедших — помнят,
А живой — живет.

¹ Речь идет о «голуборожцах» — поэтах Тициане Табидзе, Паоло Яшвили и других.

Тициан Табидзе!
В сердце голос твой
Будет птицей биться,
Сбитою судьбой.

Друг мой, неужели
Не вчера, — в былом —
В Минске мы сидели
За одним столом?

Ты меня изрядно
Старше был. Поверь,
Пусть скажу нескладно:
Старше — я теперь.

Жить, не умирая,
Всем твоим стихам...
Жить бы так — вздыхаю, —
Коль умру я сам.

Радость в жизни этой
У меня одна:
Вся душа поэта
Песне отдана.

1965

ГРУЗИИ

Ты, Грузия, — поэзия сама!
Земли твоей приметы дорогие —
Чудесный дар для сердца и ума,
Как будто все они — стихи живые.
А речь твоя, гортанна и чиста,
Среди тысячелетий лишь окрепла.
И письменности древней красота
Встает, как Феникс, из огня и пепла.

О Грузия! Европе ты мила
Иль Азии казалась райским садом?
В нем кровь твоя горячая текла
Сквозь звон мечей, грозивший сущим адом.
Не зря, наверно, мудрый твой народ,
Которому чужды и страх, и злоба,
При встрече руку людям подает
И говорит: «Победа! — Гамарджоба!»

О Грузия! Как лакомый пирог,
Была ты для захватчиков желанна —
Но твой народ от них тебя сберег,
За честь твою сражаясь неустанно.
Тебя кромсали, ранили и жгли
Султаны, ханы, шахи — волчья стая...
Но семена из почвы проросли,
Страну могучим лесом заслоняя.

О Грузия! Твой витязь вечно жив,
Он светлый символ — «Вепхис ткаосани».
В который раз, высок и горделив,
Встал предо мной он в утреннем тумане.
Труды и битвы — мера доброты,
Которая в горнилах закалилась.
Не оттого ли, не склонившись, ты,
С зарею схожа, ныне нам явилась?

О Сакартвело! Ты свободна днесь.
Народов судьбы родственны друг другу.
Ты заводила «Оровелу» — песнь,
Подобную моей — «Сохе и плугу».
Так, с песней, мы трудились день-деньской —
Она издревле раны врачевала.
Так, с песнею, восстали мы с тобой —
И всюду правда восторжествовала.

О Грузия! Я пристально смотрю
Через вершины в солнечном сиянье —
И, видя Руставели, говорю:
«Не для тебя — забвенье, умиранье!
Ведь слава месха, сына твоего.
Незыблема, как слава Сакартвело,—
И в сердце имя звучное его
Мы унесем с собой во все пределы».

Ты, Грузия,— поэзия! Пускай
Вот эти строки силой вдохновенья
На празднество твое, в прекрасный край,
Летят. Прими мое благодаренье!
Смогла ты по-грузински прочитать
Заветные мои стихотворенья.
Сумела друга с севера понять,
Как будто мы знакомы от рожденья.

О Грузия! Пусть будет только так.
Семья народов наших — благородна.
В ней радость за друзей — вниманья знак,
И дружба — велика и первородна!
Мы любим жизнь — нет искренней любви,
Мы счастливы — и в завтра смотрим смело.
И дружно восклицаем мы: — Живи!
Навек мы вместе. Здравствуй, Сакартвело!

1966

У КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Я прислушался к вечеру. Право,
Стук копыт был вдали все слышной.
Тропка в этих горах — не забава,
И разъехаться трудно на ней.

Кто там скачет? Куда он стремится?
Что во тьме ему сил придает?
Может, парень похитил девицу
И поспешно куда-то везет?

Или к горцам-певцам, чьи рыданья
В прихотливый вплетались напев,
Скачет Муза опять на свиданье,
Протяженность времен одолев?

Грива конская плещется тенью.
Может, буду скакать до утра?
Аргамак мой храпит в нетерпенье,
Словно чует: в дорогу пора.

Что ж, не вечно же длиться досугу.
Час прощанья уже недалек.
Настроение доброе другу
Оставляю, как встречи залог.

Нашей дружбе на свете сравнения
Не найду я. В дожде иль в пурге
Слов твоих не утихнет горенье,
Не погаснет огонь в очаге.

Пусть супруга твоя берегает
И тебя, и чудесный твой дар.
Пусть Алим твой пришедших встречает,
Улыбается славный Эльдар¹.

Будем жить! Ведь сердца наши бьются,
Этот мир бесконечно любя,
Души в этой любви признаются.
Приезжай, жду я в гости тебя!

...Аргамак мой — само нетерпенье:
Есть не хочет, водицы не пьет,
Бьет копытами оземь, — движенья,
Застоявшись, всем телом он ждет.

Знает: в путь мы отправимся скоро.
О друзья, вы повсюду — со мной!..
Озаряются древние горы.
Мне пора.

Сыва бул², мой родной!

¹ Алим и Эльдар — сыновья К. Кулиева.

² Сыва бул! (*чув.*) — будь здоров! Выражение употребляется при расставании.

ИЗ ЦИКЛА
«БОЛГАРСКИЕ
СТИХИ»

НАРСПИ ВХОДИТ В БОЛГАРСКИЙ ДОМ

*Переводчику «Нарспи» на болгарский язык
Николаю Марангозову*

Нам старины не позабыть никак.
Сноха-чувашка входит в дом вот так.

Сурбан — свекрови: весь узорчат край!
Рубаху — свекру: ну-ка примеряй!

Для деверя — большой кусок холста,
Инге¹ — отрез на платье: красота!

Вот сара², и передник, и сурбан,
Платки — золовкам: ткани как туман.

Для шуринов — из шелка пояски,
Другим — завязки, пестрых лент мотки...

В обычае подробностей не счесть,
В нем через сотни лет — от предков весть.

У вас, друзья, подобный есть обряд,
И зло с добром, и песен древний лад.

¹ Инге (*чув.*) — старшая родственница мужа по женской линии.

² Сара (*чув.*) — женское украшение, вышитое бисером, подвешиваемое сзади к поясу.

Болгарин иль чуваш ты — кто из нас
Не улыбнется прошлому сейчас?

Не возродиться милой старине,
Но свет ее — внутри: в тебе, во мне.

Пойдем все это — час настал сказать:
Пора друг друга нам в лицо признать.

И вот Нарспи в болгарский входит дом,
Навстречу — вы в радушии благом.

Фата за нею стелется вослед,
А перед нею — добрый белый свет.

Сестер своих решившая скликать,
Сурбан она успела развязать.

Лицо пылает, сердце так болит:
Людское зло ей гибелью грозит.

Двум душам темных сил не одолеть.
О намять, не переставай гореть!

Мечтаний давних, потаенных грез
В явь превратить во тьме не удалось.

О прошлом слишком горестен рассказ:
Подобное случалось и у вас.

Сейчас Нарспи, от радости светла,
Через Дунай со мною перешла.

С поклоном входит в ваш радушный дом.
Пригожую скорей встречайте в нем!

БЛАГЕ ДИМИТРОВОЙ

В стране твоей узрев подобье рая,
И красоту, и стать ее люблю.
Тебя сestroю младшей называя,
Заветные слова я оживлю.

У Адала в дубовой роще ветер
Листвой шумел, мечту мою храня.
Я думал:
 «Есть народ один на свете...
Была бы счастьем встреча для меня».

Я лик его разгадывал сквозь годы,
Сквозь мглу легенд,—
 и книги столько раз
Мне говорили:
 «Древние народы,
И кровь, и колыбель одни у вас».

Глаза болгар в то время мне казались
То карими, то синими,—
 ведь в них
Европы простодушие смешалось
С азийским пылом всадников шальных.

Для булгара с дунайским славянином —
Балкан благословенное тепло.

А нас, в леса ушедших к угро-финнам,
От бед укрыло Севера крыло.

И вот в пространстве мысленно витал я,
Все дольше жил,

все больше прозревал.

Тебя, сестра, совсем еще не знал я,
А увидеть и вовсе не мечтал.

Порою, словно образ из сказанья,
Лицо одно сияло мне с небес.
И слова ощущал я созреванье,
И снова сердце жаждало чудес.

Не душу ли без устали манила
Синь глаз твоих, земную жизнь любя?..
И вдруг судьба
мне суть твою открыла —
Болгария беднее без тебя!

1960—1963

НОЧНАЯ СОФИЯ

Я снова сюда возвратился,
Я друг ваш, всем сердцем я ваш,—
В сумятицу улиц влюбился,
В желтеющий, теплый паваж¹,—
Как будто бы в слух просочился
Неведомый голос:

«Ты — наш!..»

Так поздно...

Машины, мелькая,
Огнями глаза мне слепят.
Каскад этажей пролетая,
Бесшумные лифты скользят.
О будущем я размышляю —
Лег путь мой
сквозь дружеский град.

Мне так беспокожно порою...
Увы, на земле в этот час
Кровь где-нибудь льется рекою...
О люди, мне страшно за вас!
Представив друзей пред собою,
Шепчу я

в который уж раз:

¹ Паваж — мощенные желтым камнем мостовые в центре Софии.

«О жители милой Софии,
Вы спите.

 Всем сердцем я — ваш!»
Пусть струи кипят водяные,
Омывшие желтый паваж.
Иду, различая живые
Слова издалека:

 «Ты — наш,
В родстве мы с тобою, чуваш!»

1969

Среди сплошных камней —

ну что за чудо!—

Крепыш дубок под мрачным сводом встал,
Презрев ветров набеги отовсюду,
Свое существованье отстоял.

Беру на память ветку я с собою
О храбрости болгар, о крови той,
Что пролита безбрежною рекою
За их свободу,
ставшую святой.

Дуб — символ мужества.

Он врос корнями

В родную почву. Долго он живет.
В гробах дубовых погребал веками
Достойнейших сынов своих народ.

Надгробия из дуба не напрасно
Воздвигнуты над Адалом моим.
Спокойны лики предков и прекрасны —
В них видим все,
что свято в людях чтим.

Язычество! И ныне ты сурово
Воскреснуть можешь
в призрачном огне.

Я в Урвиче себя представил снова
Прабългаром на взмыленном коне.

Тысячелетний путь я прозреваю:
Вновь ржание коней тревожит слух,
Хвосты и гривы вьются,—
и к Дунаю

Спускается язычник Аспарух¹.

1969

¹ Аспарух — хан, основатель Болгарского государства на Дунае в 681 году.

АСПАРУХ

ИЗ ЦИКЛА
«СТАРИННЫЕ БУЛГАРСКИЕ ИМЕНА»

Кто скажет мне, друзья мои, из вас,
Что значит это имя — Аснарух?
Отгадка — в языке моем. Сейчас
Почуете его старинный дух.

АС — по-чувашки разум, а ПАРУХ —
Даритель. О простая суть имен!
И свод преданий вовсе к ним не глух,
Коль правотою жизни порожден.

Болгарскую державу создал он,
От ратных дел он отдыха не знал,
Правитель мудрый, славой озарен,
Он — АСПАРУХ, он разум даровал.

1969

ОМУРТАГ¹

ИЗ ЦИКЛА
«СТАРИННЫЕ БУЛГАРСКИЕ ИМЕНА»

ОМОРТУ. Вот перевод: состязанье,
То есть, по-нашему, — кто вперед.
Стоит подумать об этом, славяне, —
Старая связь никуда не уйдет.

Кто говорит, что язык — исчезает?
Стар он — и молод. Он время впитал
Как он живущего вдаль увлекает,
Если крылатой вселенною стал!

Хан состязался в труде и славе
Так, что остался в сердцах навек.
И потому называться вправе
Именем ОМУРТАГ сей человек.

1969

¹ Омуртаг — хан, правитель Болгарии в 816—831 годах.

Иней, иней. Свет седой...
Мерзнет теплый край.
Пожил здесь. Пора домой.
Что ж, Хисар, прощай!

Жаль, что не были с тобой
До сих пор близки.
Ухожу я, сам не свой
От немой тоски!..

1969. Болгария, Хисар

* * *

Осыпается всюду листва...
Поседела моя голова,
В жилах кровь застоялась густая,
А ведь были — сродни тетиве,
Животворным лучам в синеве!..
О минувшем, скорбя, вспоминаю.

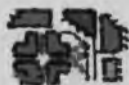
Были крылья, и сила была.
Неуемная младость цвела,
Столько радуг в душе зажигала!
Низко кланяюсь ей ввечеру —
Ей, служившей любви и добру,
Ей, что жизнь как стрела пронизала.

1969. Болгария, Хисар

Могила безымянная. Плита.
Здесь римлянин
оставил людям просьбу:
«О путник,
даже если ты спешишь,
То здесь остановись
хоть на мгновенье...»
И слово, пережившее века,
Меня зовет сегодня к размышленьям.
Со временем всегда спешивший вместе,
Внезапно я прозрел:
ведь надо все же
Помедлить, подождать, остановиться —
Хотя б затем, чтоб дух перевести,
Ошибки взвесить, оценить поступки,
Чтоб в пламени великом, светоносном,
Зажженном человечеством когда-то,
Свою негаснущую искру ощутить...
«О путник,
даже если ты спешишь,
То здесь остановись
хоть на мгновенье...»

19. X. 69
Болгария, Хисар

Метель... Болгария родная,
Ты снова — вдалеке.
Долг пред тобою длится, знаю,
И сердце — лист в руке.

Смежу я веки — и увижу
Небес голубизну,
Холмы и горы — круче, ближе,
И тихую волну...

Целебный свет согреет темя,
Прошепчет горячо:
«Дружище, стариться — не время,
Поберегись еще...»

Метель... Бескрайна, право слово!
И нас вот из тепла
Волна движения людского
На север унесла.

Но южной крови нет покоя —
Нахлынет, укорит.
Тысячелетнею тоскою
Душа моя горит...

4. XI. 69

Чебоксары

СОДЕРЖАНИЕ

Атнер Хузангай. Поэт беспокойного сердца	5
--	---

ИЗ РАННИХ СТИХОВ

Родина, благослови!	15
«Пора и мне бумагу доставать...»	17
«Березу в роще вешнюю порой...»	19
«В мире этом любая живая душа...»	20
«Наверное, таков уж мой удел...»	21
«Захандрив, не хотел я стихи сочинять...»	23
«Озера гладь подо мной, как стекло...»	24
«Еще в округе — талая вода...»	25
«Смотри, как быстро липа облетела!..»	26
«Черный вечер да белый снег...»	27
Метель	29
«Одну страну из многих я любил...»	31
Г. Т. Алендею	32
«Прячься, грусть, поглубже, не мешай...»	35
Глаза	36
«Да, верю я в свою звезду...»	38
Пути-дороги	39

ИЗ ЦИКЛА «ЛЮБИМАЯ»

«Колечко звонкое с жемчужиною скатной...»	43
«Дуга из вяза, колокольчик медный...»	44
«Я коня гнедого оседлал...»	45
«Ласточка упрямо рвется ввысь...»	47
«В тени ветлы, над сонною рекой...»	48
«Сегодня все вокруг белым-бело...»	50
«Уж полночь. Трудно мне глаза сомкнуть...»	52

«Ветер, дышащий влагой ненастной...»	53
«На свете есть ты или нет...»	54
«Ночь туманна. Вновь я сам не свой...»	56
«Сядь-ка рядом, милая, со мной...»	57
«Как ночь светла! Опять не спится мне...»	59
«Покровитель лирики земной...»	61
«Родному краю — до земли поклон...»	63
«Я такую, как ты, никогда не встречал...»	65
«Никто не махал мне рукою вослед...»	66
«Безлистый лес уныл. Бугристые поля...»	68
«Дождь нарастал — как видно, неспроста...»	69
«В час одиночества, в чужом краю, в тоске...»	71
«Ночь такую дано только раз пережить на земле...»	72
«Мне чутье подсказало, что это — всерьез...»	73
«Когда-нибудь в старости, грустной порою...»	74
«Видений давних череда...»	76
«Дыхание Родины, духа стремленья...»	77
«В неделю последнюю марта шального...»	78
«Нам кажется, что дням весны...»	79
«Вдали — так далеко, что трудно рассказать...»	81
«Себя я никогда не убеждал...»	82

ИЗ ЦИКЛА «ЧЕРНАЯ ЧАДРА»

«На заре, когда жемчужно-ал...»	85
«Хамаспюр, о диво Хамаспюр!..»	86
«Нынче звездам в небе нет числа...»	88
«Я у месяца ночью спросил: «Почему...»	90
«Грустит отчего-то хребет Копет-Дага...»	91
«Не достиг я счастливой земли Хорасана...»	93
«Что, Ашхабад, скажу тебе сейчас...»	95
«Последний час пришел для нас с тобой...»	97
«Беглянка дорогая! Чаровница!..»	99
«Дальше, дальше, жизнь моя, вперед...»	101

БЫЛА ВОЙНА...

Гроза	105
Сон	106
«Солдатская фляжка давно уж пуста...»	108
«Ночи в августе!..»	110
«О предвечерья грозный час!..»	112
«Дождь идет...»	114
Дума моя, дума...	116

«Вот так — не успев попрощаться...»	118
В пути	119
Саламби	120
Полею войны	127
«Конь огненно-рыжий сквозь вьюгу летит...»	129
«О земляки мои! Наверно, все на свете...»	130
«Гусей протяжный крик поодаль различаю...»	131
Воспоминание	132
На празднество народного поэта	134
Горсть земли	137

СОНЕТЫ

Дуб над Волгой	141
Сомнение	142
Археологу	143
Девушки Вирьяла	144
Чуваши	145
У композитора	146
Саламби	147
Спасенные	148
Павлу Тычине	149
Глаз Волги	150
Thesaurus Linguae Tschuvaschorum	151
Ян Амос Коменский	152
Желудь	153
«О нет! Не соглашусь я никогда...»	154

МАМЕ

«Ты даровала мне свет ясный бытия...»	157
«В деревню бы вернуться мне сейчас...»	158
«Полно, мама, грустить...»	160
Терцины	162
Маме	167

ЗЕМЛЯ ЛЮБИМАЯ, ЧУВАШИЯ МОЯ!

Приглашение	171
В стране Нарспи	172
Константину Иванову	
1. «Вновь ковыль в Башкирии цветет...»	180
2. «Ты — первая любовь моя...»	180

3. «Ты, взяв лишь каплю, море дал народу...»	181
Сеспель Мишши в Крыму	182
В небесах — моя звезда!	187
«На Волге, ветру приоткрытой...»	189
Песни, не положенные на музыку	
«К Чебоксарам я плыл. Волга — словно любовь...»	190
«Ну что в глазах моих открыл...»	191
«В Чебоксарах есть одна ветла...»	192
«Посмотри, как прекрасен наш Адал, родная!..»	193
«Вновь из волжской волны появилась луна...»	194
«Ах, эти сени! — Полог длинный...»	195
«Чебоксарские липы в дремотном цвету...»	196
«Вьются ласточки в ясной лазури...»	197
«Мятежной памятью хранимый...»	198
Родной язык	199
Моему народу	201
Поэзия	203
Памяти Васyleя Митты	205
Танго	208
«Так мягок мох! Бесшумен шаг...»	210
«Стучись же, дятел, прямо в грудь!..»	211
«Сосновый лес притих. Войди в него, поэт...»	213
«Вот, кувшинка свечою зажженной пылает...»	214
«Сосна! посреди поляны...»	215
«О сердце, что с тобой струсилось?...»	216
«Века пройдут пред нами наяву...»	217
Земля	218
Письмо	221
В лесу	222
Чувашия, моя земляца!	223

ИЗ ЦИКЛА «КАВКАЗСКИЕ СТИХИ»

В Грузии	227
Над Курой	229
Сухуми	232
«О тебе в этот час вспоминаю...»	235
«И вдруг так ясно увидел я...»	236
«Поверь, еще к тебе я возвращусь...»	237
«Жизнь часто, независимо от нас...»	238
Мап килес	240
Хлеб, сыр и вино	242

Черное море, стихия родная...	244
У Мтацминды	246
У замка Тамар	248
«Тоска по языку — святой недуг...»	250
Я узнал, что тебя нет на свете...	252
Вечерний Тбилиси	254
Рог	256
Грузии	258
У Кайсына Кулиева	261

ИЗ ЦИКЛА «БОЛГАРСКИЕ СТИХИ»

Венок Георгию Димитрову	265
Нарспи входит в болгарский дом	267
Благе Димитровой	269
Ночная София	271
Урвич	273
Аспарух	275
Омуртаг	276
«Иней, иней. Свет седой...»	277
«Осыпается всюду листва...»	278
«Могила безымянная. Плита...»	279
«Метель... Болгария родная...»	280

Педер Хузангай
(Петр Петрович Хузангай)

ВЕЧЕРНЯЯ ТЕНЬ
Стихотворения

Редактор С. Агальцов
Художественный редактор О. Червцова
Технические редакторы Л. Демьянова, Н. Ганина
Корректор В. Дробышева

ИБ № 4410

Сдано в набор. 21.11.86. Подписано к печати 9.03.87. Формат 70×90/32. Гарнитура обычн. пов. Печать офсетная. Бумага офс №1. Усл. печ. л. 10,53. Усл. кр.-отт. 43. Уч.-изд. л. 8,25. Тираж 8000 экз. Зак 4652. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР

123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Госкомиздат РСФСР

Полиграфическое производственное объединение «Офсет» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Волгоградского облисполкома. 400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

Хузангай Педер

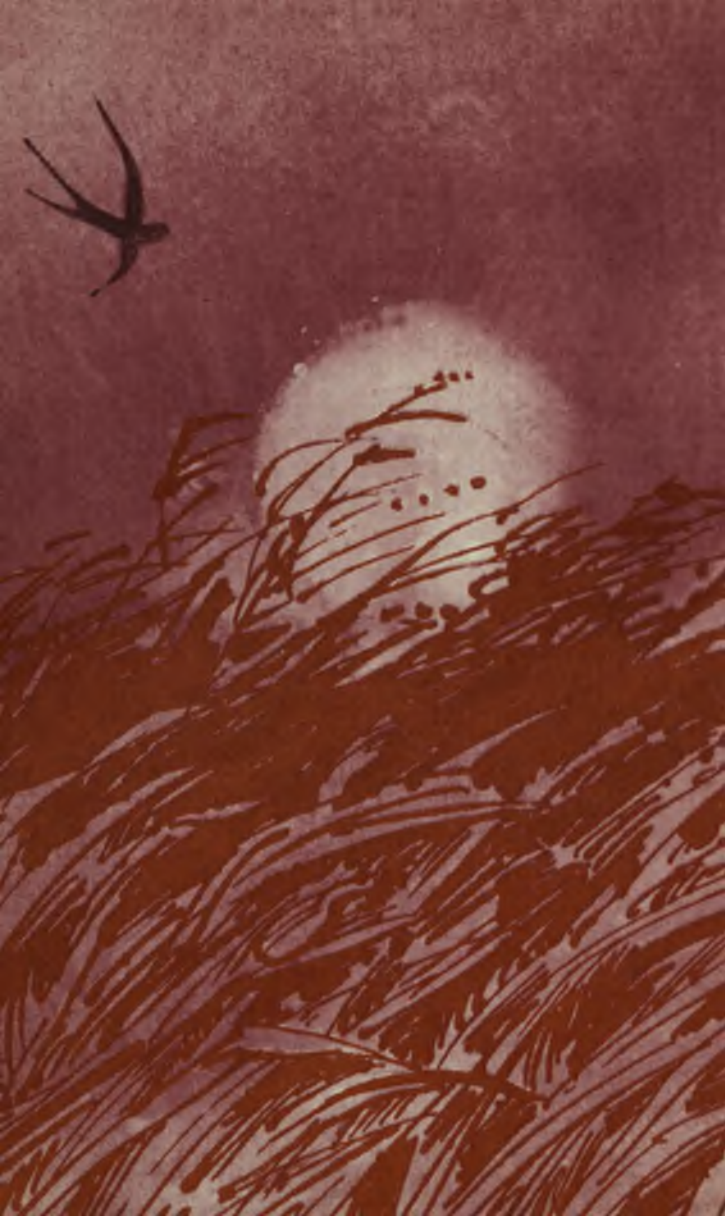
X98 Вечерняя тень: Стихотворения/Пер. с чуваш. В. Алейникова; Предисл. А. Хузангая; Худож. М. Лисогорский.—М.: Современник, 1987.—285 с., ил.

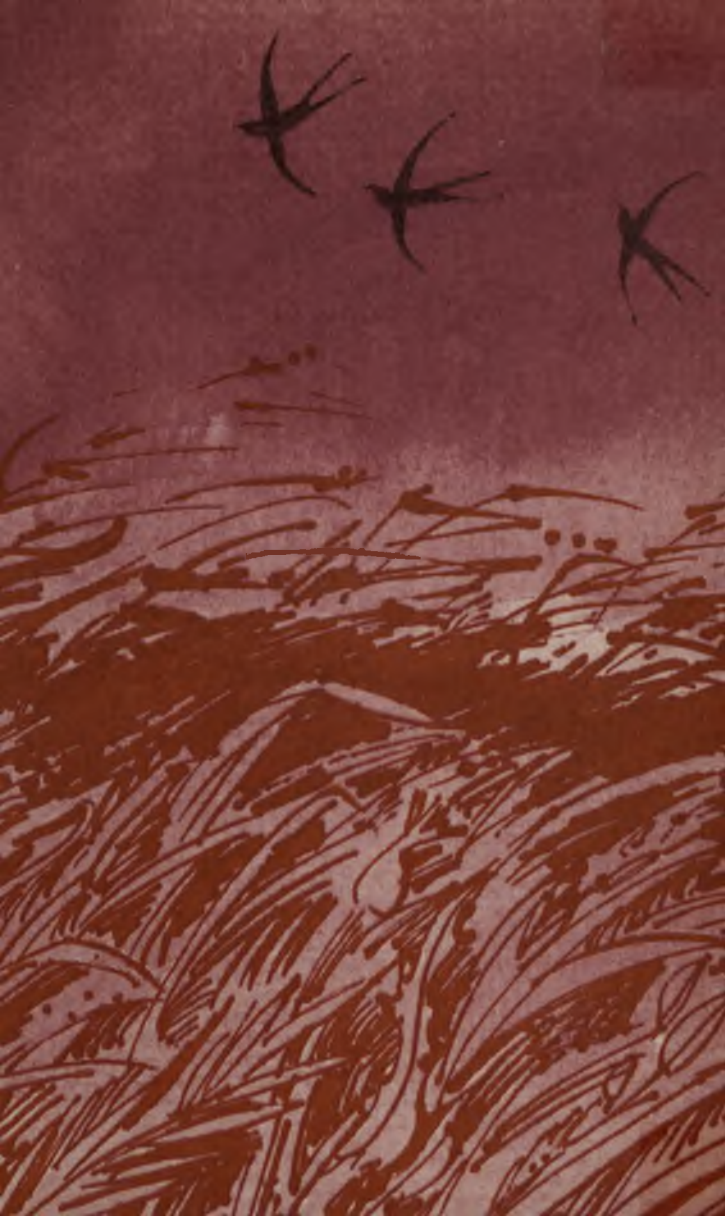
Книгу «Вечерняя тень», выходящую к 80-летию со дня рождения народного поэта Чувашии Педера (Петра Петровича) Хузангая (1907—1970), составили произведения, созданные им на протяжении почти полувековой интенсивной творческой деятельности.

Преобладающее большинство стихов публикуется на русском языке впервые. Перевод книги выполнен Владимиром Алейниковым.

X $\frac{4702070000-138}{M106(03)-87}$ 279—87

ББК84Чув7

і р. 10 к.